

Владимир Жуков

**Ю Н А Я
К А Р М Е Н**

РАСКАЗЫ

18+

Владимир Жуков

Юная Кармен

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Жуков В. А.

Юная Кармен / В. А. Жуков — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Сборник эпических, лирических и сатирических рассказов о событиях минувших лет, связанных с работой автора в крымской прессе, в милиции. А также о явлениях и тенденциях современной жизни, характере взаимоотношений людей в среде лукавой политики и экономики

Содержание

Юная Кармен	5
Самородок от сохи	10
Первый фельетон	14
Пахарь и К-750	18
«Винодел-новатор»	22
Синекура	26
Застолье с классиком	29
Ночной рейд	32
В чужих санях...	37
Демон с рогами	41
Что написано пером...	45
Летучая пробка	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Юная Кармен

– Володя, через полчаса в районном Доме культуры начнется концерт, посвященный Дню работника советской торговли, – сообщила мне ответственный секретарь редакции Людмила Сергиенко. – Других сотрудников под рукой сейчас нет, в разъездах по району, поэтому вся надежда на тебя. Мероприятие радостное, приятное. Получишь удовольствие от выступления артистов. Заодно подготовишь репортаж в очередной номер. Как говорят, совместишь приятное с полезным.

– Так точно! – по армейской привычке, так как прошел лишь год после демобилизации из армии, ответил я. Во время срочной службы, то есть исполнения воинской повинности, сотрудничал в окружной газете, издаваемой в Одессе, то, оценив опубликованные на ее страницах статьи и стихи, меня без диплома о высшем образовании, приняли литсотрудником сельхозотдела редакции районной газеты «Приазовская звезда».

– Имей в виду, если мы не осветим это событие, то начальник управления торговли и его подчиненные обидятся. С работниками Мельпомены, обладателями дефицитных товаров, следует дружить, – наставляла коллега. – Жду от тебя живописный репортаж. Оставляла место на 180 строк на четвертой странице. Придется писать оперативно, прямо с колес.

– Не впервой, – уверенно ответил я и, не мешкая, направил свои стопы в Дом культуры, расположенный в двухстах метрах от здания редакции. О том, что работники торговли в большом почете я убедился, когда со стороны наблюдал за участниками первомайской демонстрации, украшенной флагами, транспарантами с лозунгами, портретами Ленина, Маркса, Энгельса и члена Политбюро ЦК КПСС. Районное начальство: секретари райкома, председатель райисполкома, его замы наблюдали за шествием с высокой трибуны, установленной на главной улице поселка. Следуя классовой субординации, в первых рядах шли трудовые коллективы предприятий «Сельхозтехники», комбината хлебопродуктов, «Сельхозхимии», молокозавода и винзавода, СМУ, ПМК, транспорта, затем труженики передовых совхозов и колхозов. За ними по табели о рангах должны бы следовать представители творческой интеллигенции: учителя, врачи, работники культуры. Но, увы, этот сегмент колонны возглавили работники торговли.

Своими модными, роскошными одеяниями, костюмами, платьями, блузками, добротными туфлями, они разительно отличались от других участников демонстрации, облаченных в серые, коричневые и другие темные и мрачные одежды. Оно и понятно, что в отличие от «сапожника, который без сапог» работники прилавка, особенно заведующие складами, базами и экспедиторы имели доступ к дефициту.

Не ускользнуло из внимания, что с трибуны их приветствовали бурными аплодисментами и пафосным возгласом: «Слава работникам советской торговли!» В ответ из ликующей колонны прозвучало троекратное: «Ура!» В пору дефицита, когда импортные товары распределялись по разрядке среди передовиков производства или «своих людей» профессия продавца была очень престижной.

В Доме культуры, куда я прибыл за десять минут до начала концерта, царило праздничное оживление. Зрители в одеждах радужных, словно на карнавале, расцветок, занимали места в большом зале, над сценой которого с бархатисто-золотистыми шторами был закреплен лозунг: «С праздником, дорогие работники торговли!» В просторном фойе у буфетных стоек, до объявления «сухого закона» еще было пятнадцать лет, толпились в основном мужчины, решившие для бодрости и моторности, дегустировать коньяк, водку, марочные вина или утолить жажду пивом.

«Почему бы и мне для подъема настроения не принять «на грудь» граммов пятьдесят коньяка ли двести граммов «Портвейна», «Муската»? – возникла шальная мысль, но бдительная совесть, подобно суровому надзирателю, напомнила. – Ты при исполнении обязанностей, должен трезво оценить концерт, оперативно подготовить и сдать репортаж в секретариат. У зрителей праздник и они могут себе позволить поднять «градус». От соблазна мне пришлось отказаться.

После краткой официальной части, ведь зрители явно не настроены на доклад или лекцию, поздравлений, прозвучавших из уст первого секретаря райкома партии Василевского и председателя райисполкома Светличного, состоялся концерт. Звучали песни, стихи басни, хоровое исполнение, сатирические и юмористические сценки в исполнении участников художественной самодеятельности, учащихся детской музыкальной школы.

Меня, как и многих зрителей впечатлило выступление танцовщицы Нины Бутаковой. Ее ведущий представил, как работницу центрального универмага. Девушка в огненно-красном платье с алой розой в черных, как смоль локонах, выбежав на сцену, под звуки мелодии из оперы Бизе и неподражаемый голос оперной дивы Елены Образцовой, темпераментно исполнила зажигательный танец. Я заморожено наблюдал за пластикой ее изящного тела, за движением рук в гармонией музыки.

– Нина, умница, огонь! Знай наших! Bravo! – доносилось из зала. Своим голосом к этим эмоциям я тоже добавил скромные децибелы.

Танцовщицу бурными овациями дважды вызывали на сцену. Вручили роскошные букеты алых и белых роз, сувенир. Она, приложив руку к сердцу, театрально раскланивалась, излучала чарующие улыбки. В отличие от меня, впервые увидевшего Нину, ее коллеги по центральному универмагу и управлению торговли, знали о хореографических способностях. Для них этот триумф не был неожиданным.

К тому времени не обремененный семейными узами, я задался целью познакомиться с очаровательной брюнеткой, обладательницей адмиральской фамилии Бутаков. Но в тот момент проявил сдержанность, не побежал за кулисы или в гримерную, чтобы выразить свое восхищение, а после того, как опустился занавес, зрители направились к выходу, поспешил в редакцию. Находясь под впечатлением от юной Кармен, в течение получаса на одном дыхании написал репортаж «В гармонии танца и музыки». Как и советовала Сергиенко, не пожалел ярких красок и сочных эпитетов. Отдал Людмиле машинописный текст. Она внимательно прочитала:

– Ни секунды не сомневалась, что концерт тебе понравится, – одобрительно промолвила коллега. – Написал искренне с чувством, а для Нины Бутаковой, даже не поскупился на слова «талантливая», «темпераментная».

– Так оно и есть, не преувеличил, не покривил против истины, – смущенно, чувствуя, что краска заливает лицо, – подтвердил я. – Танец в ее исполнении стал гвоздем программы. Вы бы видели реакцию зала, одобрительные возгласы, бурные аплодисменты, овации, цветы... Она исполнила Кармен не хуже оперной певицы Елены Образцовой.

– Ну, это ты преувеличил. Елена не только великолепно танцует, но и прекрасно поет, – возразила Сергиенко.

– У Нины все еще впереди, – вступился я за девушку. – Это восходящая звезда, если не оперы, то балета или эстрады.

– Вижу, что она тебе очень понравилась, – проникла в мои мысли Людмила. — Действительно, девушка эмоциональная, яркая. Но не забывай о мудрости: не сотвори себе кумира. А еще у поэта Евгения Евтушенко есть поучительный афоризм: «Очарования ранние прекрасны, очарования ранами опасны». Первые впечатление могут быть обманчивыми. Насчет таланта ты, пожалуй, прав. Я прежде тоже видела Нину на сцене, она танцует, как дышит в своей стихии, легко, непринужденно, что у зрителей вызывает радостные эмоции.

Из диалога с опытной коллегой я понял, что репортаж ей понравился, а в моем сознании засела мысль увидеть Бутакову не только на сцене, но и вблизи, за прилавком.

На следующий день со свежим номером газеты, в котором был опубликован репортаж, я наведалься в центральный универмаг. Вглядываясь в лица молодых продавщиц, читая имена на жетонах фирменной экипировки, я искал среди них очаровательную Кармен.

В секции «Детские игрушки» увидел стройную девушку, чуть выше среднего роста. Мое сердце учащенно забилось. Подошел и с нежностью произнес:

– Здравствуйте, Нина.

– Здравствуйте, – с удивлением отозвалась она и заметила. – Вроде бы мы с вами не знакомы?

– Ваш танец в роли Кармен меня восхитил.

– Вот вы о чем. За признание спасибо, – одарила она меня взглядом синих с фиолетовым оттенком глаз, окаймленных длинными ресницами, улыбкой губ в перламутровой помаде. – Для любого исполнителя важно мнение зрителя или слушателя. Высокая оценка, подобна награде, вдохновляет и обязывает выступать еще лучше.

Я представился и подал Бутаковой газету:

– Здесь репортаж и в нем несколько строк, посвященных Кармен, то есть вам, жгучей очаровательной брюнетке.

– За комплимент спасибо. Интересно, что вы сочинили? Раньше обо мне только в школьной стенгазете помещали заметки, – призналась она. – Год назад я окончила школу, а потом училась на курсах продавцов, теперь вот на радость малышам продаю игрушки. Зажигательные танцы – моя стихия. Когда исполняю аргентинское танго или испанский фламенко, то ощущаю легкость полета, радость и восторг от гармонии музыки и движения... Вы, что записываете?

С милой улыбкой она обратила внимание на блокнот и ручку в моих руках.

– Конечно, не могу же я сочинять, глядя в потолок. Зарисовка должна быть достоверной, – ответил я и заметил. – Нина, у вас есть шанс поступить в консерваторию. Есть такая в Одессе и, само собой разумеется, в Москве, Ленинграде, Киеве и Харькове.

– Размышляю над этим, а пока, набираюсь опыта, участвую в художественной самодеятельности комсомольско-молодежного клуба «Таврика». Вместе с другими участниками выступаю с концертами перед сельскими жителями района. Недавно побывали в селах Пруды, Чапаевка, Дмитровка, Ильичево, на областном фестивале «Крымские зори».

– Нина, у вас есть фото, где вы в роли Кармен?

– Зачем, для чего?

– Для публикации в газете, – ответил я, впервые воспользовавшись своим служебным положением. По загадочному блеску ее дивных почти фиалкового цвета глаз понял, что предложение ее заинтересовало. Впрочем, это естественно, ведь каждый творческий человек в той или иной степени тщеславен, что его мотивирует и вдохновляет на покорение высот мастерства.

Бутакова расстегнула дамскую сумочку сиреневого цвета, украшенную разноцветным бисером, извлекла из нее конверт с двумя цветными фотографиями и подала мне. На первой она была изображена за прилавком, а на второй – в образе Кармен. Помедлив, я выбрал второе фото и, как показали дальнейшие события, интуиция меня не подвела.

– Отдаю, но с возвратом, – напомнила девушка.

– Конечно, как только изготовим клише для печати, то сразу верну, – заверил я и, осмелев, заметил. – Не отказался бы от этого или другого фото с дарственной подписью. Приятно постоянно видеть, хотя бы на фото, красивую брюнетку.

– За комплимент спасибо, я подумаю, – обнадежила она и заметила. – Не вздумайте написать о том, что я нашла призвание за прилавком, такая карьера меня не утраивает.

Рано осознав силу своего очарования, она уклонилась от прямого ответа, проявила осторожность, подчиняя чувства разуму, оставила себе простор для маневра.

Решив не форсировать события, понимая, что у Нины есть тайные поклонники, а возможно, и жених, я не стал ей предлагать свидание, дабы не выглядеть ловеласом или бабником. Полагал, что лишь после публикации фото и небольшой лирической зарисовки, продолжу более близкое знакомство, а пока выполняю сугубо журналистские функции.

Когда через два дня отдал Сергиенко зарисовку «Юная Кармен» и фото, она, усмехнувшись, заметила:

– Володя, стрелы Купидона поразили твое сердце. Но не забывай, что газета не литературно-художественное, а официальное, деловое издание, и тем более, не любовный альбом. Жду от тебя статьи, репортажи на темы сельского хозяйства, очерки, зарисовки о передовых хлеборобах, трактористах, доярках, свиноводках, чабанах, садоводах, виноградарях... О работниках торговли и культуры есть, кому писать, не отбирай у своих коллег хлеб насущный.

– Намек понял, – смутившись, произнес я. Когда зарисовка о юной Кармен и фото были опубликованы, уже готов был с экземпляром газеты лететь на крыльях к своей пассии, вызов к редактору разрушил планы.

– Мне позвонила директор центрального универмага и высказала претензии по поводу зарисовки «Юная Кармен».

– Какие именно? – не столько удивился, сколько огорчился я.

– Почему ты проигнорировал директрису, не посоветовался насчет выбора героини? К Нине у нее замечаний нет, вежливая, общительная старательная, но она работает в коллективе, как говорится, без года неделя. Также сообщила, что, зачастую молодые отцы приходят в ее секцию, не только ради покупки игрушек для малышей, но чтобы полюбовать, пообщаться. Своей красотой Нина, словно магнитом, притягивает покупателей, успешно выполняет планы по выручке, то есть, реализации товаров.

– Вполне естественно, недаром говорят, что красота спасет мир, а Нина спасает выполнение планов и сообразительность, – охотно подтвердил я.

– Теперь вижу, что директор универмага права, предположив, что и ты попал под чары ее работницы. Ее тревожит, что опытные оболъстители могут обмануть, испортить красавицу.

– Если она имела меня в виду, то подозрения не по адресу, – отмел я версию.

– Больше всего ее огорчило, что в универмаге есть работницы, за плечами которых от десяти до двадцати лет трудового стажа, а ты выбрал Нину. Обижены на то, что пресса не уделила им внимание. Намерены пожаловаться в райком партии.

– О Нине я написал, как об участнице художественной самодеятельности, активисте комсомольско-молодежного клуба «Таврика», которая радуется своим искусством не только жителей райцентра, но и сел Советского района. Вполне достойный человек. Спросите об этом у секретарей райкома комсомола, у инструктора Бориса Балаяна, куратора клуба «Таврика».

– Верю, верю, – снисходительно произнесла Полина Иннокентьевна. – Лучше честно признайся, что девушка тебе понравилась?

Я опустил голову, отвел глаза в сторону и тем выдал себя.

– Все понятно, можешь не отвечать, – продолжила редактор. – Возьми себе на заметку и запомни, что при выборе героя публикации, обязательно советуйся с руководителями предприятий, совхозов и колхозов, с секретарями парткома, комсоргами, профсоюзными вожаками. Они лучше знают своих подчиненных, рекомендуют самых достойных с безупречной репутацией. Бессспорно, эстетическое восприятие, личная симпатия или антипатия при общении с человеком важны, но для журналиста они не столь значимы. Человека надо оценивать по его делам и поступкам, по авторитету в коллективе.

– Благодарю, учту, – ответил я, размышляя о том, каково сейчас Нине после публикации зарисовки, коль она вызвала негативную реакцию в коллективе, где есть люди, столь ревностно

относящиеся к чужой, причем заслуженной славе. Получается, что усложнил девушке жизнь. Действительно, неведомо, как наше, даже доброе слово отзовется? Для одних оно бальзам на сердце, для других – яд или повод для зависти. Надо Кармен выручать, ведь не исключено, что завистники создадут условия для вынужденного увольнения. Похоже, оказал медвежью услугу.

– Полина Иннокентьевна, позвоните директору, – попросил я. – Пусть они не третируют, не обижают девушку. Она совершенно не виновата. Я по своей инициативе настоял и она дала фото, написал зарисовку и о том нисколько не жалею.

– Хорошо, позвоню, – согласилась редактор. – Похвально, что ты не равнодушен к судьбе девушки, готов подставить плечо.

Редактор слово сдержала, а я подумал, что надо бы утешить юную Кармен, убедить в том, что завистники неизбежны, особенно, на пути талантливых людей. Настойчиво добиваясь благородных целей, к ним следует относиться хладнокровно, терпимо,

Самородок от сохи

Помню, во время учебы в Одесской ВПШ среди слушателей было несколько самобытных, ярких личностей, в том числе голова колхозу (председатель колхоза) из Тернопольской области с грозной фамилией – Перевернихата. Учились на заочном отделении, встречались два раз в год на учебно-экзаменационных сессиях, каждая из которых продолжалась двадцать дней.

Учебное заведение располагалось в здании сталинской постройки с массивными колоннами фасада. Находилось в районе Аркадия вблизи от одноименного пляжа на берегу Черного моря. Поэтому, когда сессия выпадала на лето или сентябрь, заочники совмещали учебу с отдыхом на пляже, дегустацией пива и сухих вин Ркацители, Алиготе, Изабелла... Также утоляли жажду минеральной водой Куяльник из местного источника.

После сдачи очередного экзамена и дружеского застолья по этому поводу, нередко подтрунивали над обладателем редкой фамилии:

– Почему Переверни, а не Построй- или Возведихату? – приставали к нему с вопросами.

– Спросите у моего прапрадеда, – отвечал Богдан Тарасович.

– Спросили бы, да связи с обитателями загробного мира нет, – напомнил я.

– Предполагаю, что в роду были крепкие мужики. Возможно, лет двести тому назад, кто-то из них на спор или пьяный глаз перевернул небольшую избу или баню. Со временем прозвище превратилось в фамилию. Могли бы окрестить и Перевернибаней, но с хатой звучит приличнее. Я с юных лет привык к шуткам и поэтому поводу не огорчаюсь. Фамилию, как и родителей, не выбирают. Мне предлагали сменить, например, на благозвучные и величавые Соколов или Орлов, но это было бы предательством по отношению к предкам, подрубило бы родовое древо.

Если бы внуку взбрело в голову поменять фамилию, то я бы на него обиделся. Соколовых, Орловых, как и Ивановых, Петровых и Сидоровых, хоть пруд пруди, а Перевернихата, во всяком случае, в моем селе одно семейство.

– Редкая фамилия, нигде, даже в произведениях Тараса Шевченко, Николая Гоголя и других классиков литературы не встречал, – подтвердил я, тем самым, поддержав председателя.

– В Киеве живет профессор с более затейливой фамилией – Будьласкапани. Целое предложение, которое в переводе на русский язык означает: Будь добра, дама. Читал его статьи, опубликованные в киевских газетах. Наверное, тоже постоянно слышит шутки в свой адрес, особенно, от женщин.

Несмотря на версию о происхождении фамилии, мы в шутку называли Богдана Тарасовича разрушителем. На самом деле, при своей богатырской стати и добродушном характере, он был созидателем, умелым хозяйственником-самородком. Его колхоз «Прапор Перемоги» («Знамя Победы») был передовым в районе. В соревновании среди других хозяйств удостаивался переходящего знамени и премии. Была такая форма поощрения за ударный труд, высокие достижения и досрочное выполнение пятилетки.

В течение сессии он чувствовал себя не в своей тарелке, постоянно звонил в правление колхоза, выслушивал доклады специалистов, давал советы, держал руку на пульсе сельской жизни. Было ему в ту пору сорок пять лет. Знания, особенно по теории марксизма-ленинизма, философии, политэкономии, научному коммунизму давались туго.

– Я бы сейчас с удовольствием мотался по полям, садам и фермам колхоза, а не сидел, как истукан, за партой, слушая лекции, – признавался он.

– Тогда, почему согласились грызть камень науки? – спросил я.

– Обстоятельства заставили. По профессии я – гидротехник, окончил техникум механизации и мелиорации. Мог бы этим и ограничиться. Но на партхозактивах, совещаниях, заседаниях, когда речь заходит о кадровой политике, в докладах постоянно склоняют мою фамилию, как единственного в районе председателя колхоза, не имеющего высшего образования. Мол, тем самым, порчу статистику.

Сам не рад, что вымахал высокого роста. Сажу в зале, словно пожарная каланча, а был бы коротышкой, то спрятался бы за чужой спиной и никто меня не увидел. АА так любой начальник, сидящий в президиуме, сразу цепляется взглядом за мои габариты и с бухты-барухты громко извещает: «Голова колхозу Переверныхата доси не мае выщою освіты!» вся публика обращает на меня взоры. Со стыда готов сквозь землю провалиться. Секретарь райкома партии по идеологии, завотделом пропаганды и агитации несколько раз рекомендовали в ВПШ. Ссылаясь на высокую загруженность колхозными делами, отказывался, но все-таки уговорили. Убедили, что без высшего образования карьеры не сделаешь. Не мытьем, так катанием вынудили сесть за парту. Хотя, как другие, работая локтями, я «наверх» не рвусь. Колхозники меня ценят, уважают и это высшая награда для любого руководителя.

Действительно, в характере и поведении Переверныхаты не было гонора, снобизма, мании величия, присущих карьеристам. Хотя он учился на отделении экономики, но дружил и со слушателями отделения журналистики, на котором я постигал азы профессии. Богдан Тарасович, будучи состоятельным, всегда готов был помочь и морально и материально.

Однажды после экзаменов он в расстроенных чувствах возвратился в гостиницу «Пассаж», где мы обитали.

– Богдан Тарасович, что случилось? – спросил я участливо.

– Случилось, катастрофа, – мрачно отозвался он. – Провалился на экзамене по истории КПСС. Причем, знания на «неуд» оценил проректор заочного отделения доктор исторических наук, профессор Клинтух.

– Дело серьезное, могут отчислить из школы, ведь это профильный предмет, – осознал я нависшую над Богданом угрозу, ведь с обликом и внешностью аристократа профессор отличался твердостью характера и принципиальностью.

– Как мне после этого появиться в колхозе, если узнают, что получил «двойку»? Непременно узнают, земля слухом полнится. Из ректората ВПШ сообщат в райком партии для воздействия на двоечника. Там у меня есть недруги, завистники, с целью компрометации сообщат в районную газету, на радио...

– Воспользуйтесь шансом, обратитесь к профессору, доктору сельхознаук Познахирину. Он вас знает, как опытного практика, руководителя передового колхоза, поэтому замолвит слово, чтобы разрешили пересдачу, – предложил я. – Если нужна консультация, то охотно помогу. Этот предмет я сдал на «хорошо»,

– Спасибо за совет, так и поступлю. Пока не пересдам, в родное село ни ногой, – твердо заверил он, не столько меня, сколько себя.

Допоздна корпел над книгами, трудами классиков марксизма-ленинизма, материалами партсъездов, трилогией и речами Л. И. Брежнева, старательно конспектировал и записывал цитаты в общую тетрадь.

Личность престарелого, но бодрого доктора сельскохозяйственных наук, профессора Познахирина заслуживает отдельного рассказа. Пока ограничусь несколькими строками.

Преподавателей в штате заочного отделения ВПШ было немного. Поэтому на период сессий приглашали ученых мужей из других одесских вузов, в частности, из госуниверситета имени Мечникова, института инженеров морского транспорта. А когда слушатели, будучи атеистами, воспитанными на тезисе «религия – опиум для народа», постигали основы теологии, изучали мировые религии: православие, ислам, буддизм, то с кафедры выступали ораторы из духовной семинарии.

Я, как и другие слушатели, много полезного почерпнули из лекций эрудированных педагогов, докторов и кандидатов наук... Среди них надолго запомнился Познахирина. В его судьбе был период опалы, когда он пострадал из-за волюнтаризма Никиты Хрущева – отца «королевы полей – кукурузы». Его, тогда еще молодого кандидата сельхознаук, в годы, когда страна ликовала по поводу волшебной ценности кукурузы, угораздило выступить в печати со статьей «Суданская трава».

Сам того, не желая, пошел против линии партии. Помню, а мне в ту пору было не более десяти лет, в магазинах продавали лишь желтовато-бурого цвета хлеб из кукурузной муки, а хлебобулочные изделия из пшеничной и ржаной попали в категорию дефицита.

Докторскую диссертацию ученому-бунтарю удалось защитить лишь после кремлевского переворота, когда соратники отправили Никиту в отставку с изоляцией на даче. А в кремлевских палатах на долгие восемнадцать лет воцарился «дорогой Леонид Ильич». Но из-за того, что ему не хватило жизни, не удалось побить рекорд усатого горца Иосифа Сталина, правившего державой почти тридцать лет.

Как практик сельхозпроизводства, Перевернихата за свой сметливый ум приглянулся профессору Познахирину. Аграрную науку постигал усердно, теоретические знания подтверждал практикой. Зная высокую принципиальность и требовательность Познахирина, я тоже к экзаменам подготовился основательно, рассчитывая получить оценку «хорошо». На экзамене попался вопрос: «НТП в овцеводстве и селекция перспективных пород». Профессор оценил ответ на «отлично». Потом в шутку во время застолья однокурсники пророчили мне славную карьеру чабана, если не Героя Социалистического труда, то хотя бы орденосца и лауреата дипломов и медалей ВДНХ СССР. Путешествия по пастбищам с овчарками во главе отары овец меня не прельстили, остался верным журналистике.

Как я предполагал, Познахирина помог, поэтому Богдану Тарасовичу не пришлось долго обивать пороги кабинета проректора, ответственного за организацию учебы слушателей заочного отделения. С большими потугами сдал экзамен на «тройку» и был этому безмерно рад.

В тот же вечер на радостях устроил пиршество для соседей по гостиничному номеру. Начали дегустацию напитков и деликатесов со знаменитого пивного бара «Гамбринус», что на улице Дерибасовская, прославленного писателем Александром Куприным и завершили в не менее популярном ресторане «Братислава».

– Я – потомственный пахарь! – стучал себя в широкую грудь Перевернихата. – Все мои предки – люди от сохи и плуга, испокон века трудились на земле. Выращивали рожь, пшеницу, кукурузу, овес, свеклу и другие сельхозкультуры. Не лодырничали, а пахали от зари до зари, но в тридцатых годах были раскулачены и выселены в Сибирь.

– Богдан Тарасович, так вы наследник классовых врагов, куркуль? – удивился и не только я, но и другие однокурсники. – Как вас приняли в КПСС, наверное, скрыли свое социальное происхождение?

– Приняли, потому, сын и внук за отца и деда не отвечают, – напомнил он. – К тому же воды с той поры много утекло, сменилось ни одно поколение. Социализм не без моей скромной помощи, прочно стоит на ногах. Возврата в дикий капитализм нет. Человеку воздается по труду и способностям.

Председатель перевел дыхание и доверительно произнес:

– Предлагаю престижную работу. Получишь диплом и ко мне в колхоз секретарем парторганизации. Не пожалеешь, достаток, почет и уважение. Будешь заниматься теорией, пропагандой, призывая людей на ударный труд, а я практикой, развитием экономики, повышением благосостояния колхозников, – распределил он функции. – Предоставлю благоустроенное жилье, выделю кредит на покупку «Жигулей» или «Москвича»?

– Широ дякую за турботу, – поблагодарил я на его родном языке. – Сердцем прикипел к родимому уголку в Крыму. Не намерен перо менять на кресло партработника.

– Так ты и есть партработник, боец идеологического фронта. Кстати, у парторга тоже уйма писанины: доклады, отчеты, протоколы...

– Вот именно, писанины, – поймал я его на слове. – Для меня журналистика – творчество, сравнимое с трудом прозаика, публициста, драматурга или поэта. Не случайно многие из них свое восхождение на Олимп художественной литературы начинали с работы в газете, журнале, издательстве.

Мою аргументацию Перевернихата посчитал весьма убедительной. После вручения диплома и значка-ромбика у Богдана Тарасовича, будто тяжелая ноша с плеч свалилась. Прекратились упреки по поводу образования. С трибуны звучала похвала за высокие достижения в развитии экономики и соцкультбыта колхоза. А в районной газете вскоре был опубликован очерк со снимком «Самородок от сохи».

Первый фельетон

– Заметки, репортажи и зарисовки у тебя получаются, – похвалила меня ответственный секретарь районной газеты «Приазовская звезда» Людмила Сергиенко и посоветовала. – Попробуй написать фельетон, а затем очерк. Эти жанры требуют от автора творческого воображения, оригинальности. Журналистика сродни художественной литературе. Нередко талантливые публицисты становятся писателями, поэтами, драматургами. Имей виду, что задатки, если их не развивать, зачахнут. Учиться никогда не поздно, на досуге займись теорией.

Улыбнувшись, она вручила мне книгу «Газетные жанры».

– Спасибо за полезные советы, – поблагодарил я Людмилу, опекавшую меня, как молодого сотрудника. Дело в том, что вскоре после службы в армии на работу в редакцию меня приняли без наличия высшего образования. Тяга к сочинительству проявилась еще в школе. Именно в «Приазовской звезде» состоялся мой дебют. Был опубликован отрывок из поэмы о комсомоле – сочинении на выпускном экзамене по русскому языку и литературе. Очевидно, именно тогда в редакции меня взяли на заметку, а я впервые увидев свои стихи на странице газеты, с радостным трепетом ощутил магию печатного слова.

За два года службы стихи и заметки были опубликованы в окружной, областной и городских газетах «Защитник Родины», «Южная правда», «Днестровская правда», «Победа». Представленные в редакцию вырезки из этих изданий предрешили профессию. До этого трудился в совхозе «Феодосийский» разнорабочим, то есть, куда пошлют, будь то, ремонтируя шпалеру на виноградниках или, вооружившись лопатой и лупой, разыскивал филлоксеру.

Обычно поездки по селам района корреспонденты совершали на редакционном УАЗе. Позже, когда меня назначили заведующим сельскохозяйственным отделом, предоставили мотоцикл К-750 с коляской. На нем мы с фотокором Петром Мазуром гоняли по проселочным дорогам. Добывали информацию и снимки.

Вскоре представился случай для фельетона. Сергиенко вручила мне письмо, поступившее в редакцию из села Хлебное.

– Ветеран войны и труда Иван Сергеевич Климов жалуется на директора совхоза Вайцмана, – пояснила коллега. – Дважды побывал у него на приеме. Просил отремонтировать прохудившуюся крышу дома. Тот пообещал, но воз и ныне там. Пожалуй, отличная тема для фельетона.

– Директор обидится, – предположил я. – Еще недавно я работал под его началом. Решит, что свожу счеты, хотя между нами не было конфликта.

– Не решит. На то он и директор, чтобы правильно реагировать на критику, честно признавать и устранять недостатки, – возразила Сергиенко. – Конечно, проще было бы отправить жалобу в райком партии, чтобы Вайцмана вызвали на «ковер» пропесочили, сняли стружку. Но если опубликуем фельетон, то эффект будет выше. Собыешь спесь с начальников, равнодушных к просьбам граждан. К сожалению, некоторые из них следуют изречениям: обещанного три года ждут; улита едет, скоро будет или ждите, когда рак за горой свистнет?

Имей в виду, что острые материалы повышают авторитет газеты, ее авторов. Газета, которая лишь информирует о достижениях, но замалчивает недостатки, рискует потерять читателей и часть тиража. Сейчас он превышает пять тысяч экземпляров, почти в каждой семье, живущей в Советском районе, читают нашу газету. Знаешь, почему популярны журналы «Крокодил» и «Перец»?

– Много критики, острой сатиры и юмора, – ответил я. – В каждом номере «Крокодила» рубрика «Вилы – в бок!»

– Вот именно, – подтвердила она. – Мы тоже обязаны периодически показывать зубы, бить острым словом по недостаткам, настойчиво требовать их устранения. Тогда уважение и доверие со стороны читателей возрастут. Карты, точнее, острое перо тебе в руки. Не боги горшки обжигают. Лучшая наука – практика! Действуй!

В тот же день, не откладывая дело в долгий ящик, я встретился с четой Климовых.

– С мелким ремонтом, побелкой и покраской сами справляемся, – сообщил Иван Сергеевич. – А с прохудившейся крышей не совладать, возраст и здоровье уже не те, что прежде. В сумме на двоих семьдесят лет трудового стажа и большая часть в совхозе, имеем много грамот, знаков отличия, Я работал трактористом, а Даша – дояркой. Вполне заслужили, чтобы перекрыли хату. Осень, дожди, распутица не за горами. Погляди, какова крыша?

Климов приставил лестницу к краю кровли, я взобрался наверх. На некоторых участках выгоревшая и поблекшая на солнце черепица потрескалась, а возле трубы дымохода покрылась зеленовато-бурым мхом.

– Да, крыша, что решето, следовало бы перекрыть шифером, – произнес я озабоченно.

– Так и я о том же. Сами могли бы купить шифер, нанять шабашников и оплатить работу, но дом совхозный, а не частный – вздохнул ветеран.

– Вы шибко директора не ругайте, а то критика вылезет нам боком, – попросила встревоженная Дарья Васильевна. – Вдруг Вайцман осерчает и останемся с дырявой крышей, как та старуха у разбитого корыта.

Сравнение мне очень понравилось, напомнило о сказке Пушкина.

– Не волнуйтесь, ваши претензии законны, крышу починят, – обнадежил я стариков. Дома на одном дыхании, обыграв сюжет «Сказки о рыбаке и рыбке», написал фельетон «Чего тебе надобно, старче?»

Привожу один из фрагментов: Пришел ветеран войны и труда Иван Сергеевич Климов в контору на прием к директору совхоза Вайцману, а тот ему с ходу:

– Чего тебе надобно, старче?

– Смилуйтесь, товарищ директор. Кровля протекает, льет, как из ведра. Когда идет дождь, то тазов, бидонов, ведер и кастрюль не хватает, чтобы подставить под струи, – пожаловался ветеран. – Надоело обивать пороги. У меня единственное пожелание: пришлите мастеров, чтобы крышу шифером перекрыли.

– Нет у меня свободных кровельщиков, все заняты на объектах, – развел руками Леонид Григорьевич. – Потерпите. Синоптики прогнозируют сухую погоду.

– Сколько еще терпеть? Неужели хата превратиться в бассейн и придется разводить карасей, раков, лягушек или выращивать рис?

Утром я отдал отпечатанный на машинке текст Сергиенко.

– Не в бровь, а в глаз! Дебют состоялся, – оценила Людмила. – Слово за редактором. Коль даст «добро», то поставлю в очередной номер. Жду от тебя очерк.

Полина Иннокентьевна также внимательно прочитала фельетон:

– Остро и убедительно. Может, напечатаем под псевдонимом? Такое часто практикуется, чтобы убереечь автора от угроз и прочих неприятностей?

Во мне взыграло тщеславие. Весь вечер корпел над листом бумаги, напрягал воображение и вдруг под чужой фамилией? Нет уж, поэтому твердо заявил:

– Если спрячусь за псевдонимом, то не только директор, Климовы и другие читатели посчитают, что струсил. Инкогнито неуместно. Пусть земляки знают автора и обращаются за помощью.

– Это делает тебе честь. Обнадеживает, что острое перо не заржавеет, – с одобрением изрекла редактор. – У поэта Алишера Навои много мудрых афоризмов. Один из них звучит так: «Недуг нередко сахаром целят, но иногда приносит пользу яд». Таким целебным ядом в

нашей профессии является правда, какой бы она ни была горькой, Если последует негативная реакция со стороны «героя», то в обиду не дадим. Мы – единая семья.

– Благодарю за солидарность.

Впоследствии острые статьи и фельетоны я подписываю своим именем, обхожусь без псевдонимов. Действую, как говорится, с открытым забралом. В январе 1974 года, через три года после приема в редакцию был принят в Союз журналистов СССР, вручили удостоверение и значок с изображением золотистого пера. Информация о новых членах Союза была опубликована в «Журналисте».

Со дня выхода фельетона прошло три дня. Получил от Климовых письмо со словами благодарности. Вечером в конце работы вышел на развилку дорог у моста через русло Северо-Крымского канала, чтобы на попутном транспорте доехать домой в село Новый Мир. Увидел, как шурша шинами, остановилась черная «Волга». Открылась передняя дверца, услышал голос:

– Эй, писатель, сказочник, добро пожаловать! Нам по пути, прокатим с ветерком!

Узнал директора Вайцмана. Неловко было отказываться от приглашения, расценить, как трусость. «Если бы у него вырос на меня зуб, то проехал бы мимо? Ведь директор – важная персона, – предположил я. – Конечно, станет распекать за критику, но ничего не поделаешь. Надо стойко выдержать атаку».

Едва «Волга» набрала скорость, Леонид Григорьевич посетовал:

– Не ожидал, не ожидал, недаром говорят, что в тихом болоте черти водятся. Подложил «свинью», на всю округу меня «прославил». Даже первый секретарь райкома партии сделал внушение, мол, следует заботиться о ветеранах войны и труда. Разве я «против». Встретил Климова радушно, внимательно выслушал. Язык бы у меня не повернулся спросить: «Чего тебе надобно, старче?»

До чего додумался, Пушкина приплел, отвел мне роль золотой рыбки. И на том спасибо, а то ведь мог представить Попом или Балдой из другой сказки.

– Таковы каноны жанра, – отозвался я. – Очень много поучительного в сочинениях, не только Пушкина, но Грибоедова, Салтыкова-Щедрина, Гоголя, в баснях Крылова и других классиков литературы...

– Значит, научили уму-разуму в школе. Мог бы предупредить о «сюрпризе» и обошлись бы без фельетона, – сказал Леонид Григорьевич. – Проблема не стоила выеденного яйца, а шума наделал на всю Ивановскую...

– Почему вовремя не выполнили просьбу? – подал я голос.

– Потому, что у директора забот невпроворот, кручусь, как белка в колесе, —ответил Вайцман – Думаешь, мне не жаль стариков? Все кровельщики были заняты ремонтом школы к новому учебному году, а потом занимались капремонтом больницы. Обязательно к сезону дождей перекрыли бы крышу на доме Климовых. Им следовало немного потерпеть, а не выносить сор из избы.

– Однако после публикации фельетона кровельщики в течение двух дней справились с работой. Вовремя успели, потому что вскоре с неба обрушился ливень.

– Синоптики подвели, – посетовал директор.

– Запоздай я с фельетоном, то пришлось бы старикам бороться с потопом.

– Да, пресса – не фунт изюма, способна и прославить, и ославить, – заметил Вайцман. – Верно, говорят, что написано пером не вырубишь топором. Ладно, переживу, были ситуации намного сложнее. В редакцию направил письмо о том, что меры приняты, не забудь опубликовать, поставить точку в этой истории.

«Повезло, что он без мании величия, гонора, с чувством юмора, – подумал я. – Возможно, знает, что враждовать с прессой – себе дороже?»

Водитель, взирая через лобовое стекло на дорогу, молчаливо внимал диалогу.

Довезли меня до калитки дома и директор напутствовал:

– Замечай, не только недостатки, но и достижения тружеников совхоза. Помни, не ошибается тот, кто не работает.

Погода не подвела, год выдался благодатным. Труженики совхоза «Феодосийский» вырастили и собрали высокий урожай пшеницы, ячменя, кукурузы, винограда, отличились и животноводы. Ударники труда удостоились почестей и наград, Вайцману вручили орден Ленина. Порадовал и тот факт, что орденом «Знак Почета» наградили ветерана редакции, заведующую отделом писем Веру Баженову, что убедило в значимости профессии и труда журналиста.

Карьера Вайцмана пошла в гору. Его назначили начальником районного объединения «Сельхозхимия», которое действовало в связке с «Сельхозтехникой» для развития, интенсификации агропрома. Часто при встрече Леонид Григорьевич с иронией вопрошал: «Чего тебе надобно, старче?» Из этого я сделал вывод, что мой первый фельетон глубоко засел в его памяти.

Ныне попробуй, даже мелкого чиновника, будь то коррупционера, казнокрада или самодура, покритиковать, то автора сразу потащат по статье УК о неуважении к власти фейках, в самый «справедливый и гуманный» суд, накажут крупным штрафом или загонят на нары. Поэтому корреспонденты, дабы не навлечь на себя неприятности, как черт ладана, боятся острых тем. Фельетон превратился в редкий жанр, как вымершие в ледниковый период, мамонты.

Со страниц газет и журналов исчезли рубрики «Под острым углом» «После критики», «Письмо позвало в дорогу». «Меры приняты» и другие, свидетельствовавшие о боевитости и принципиальности издания и его сотрудников с обостренным чувством совести, справедливости, верных правде, истине, чести и долгу.

Теперь пресса, ТВ, агентства, особенно, официальные СМИ превращены в структуры пропагандистской службы власть предержащих, уверенных в своей святости, непогрешимости и безнаказанности.

Пахарь и К-750

Гулко хлопнул выстрел из ракетницы, в небе вспыхнула рубиновая звезда. Десять тракторов Т-74, взревев моторами и выбросив из труб клубки синего дыма, устремились к противоположному краю размеченных красными флажками, делянок. Вокруг толпились возбужденные зрители, съехавшиеся из окрестных сел района. Они шумно обсуждали зрелище, происходящее на желтеющем стерней осеннем поле.

Я, тогда еще молодой литературный сотрудник районной газеты, впервые по заданию редактора прибыл, чтобы осветить в печати это мероприятие – соревнование на звание «Лучший пахарь района». Внимательно следил за всем, что происходит, стараясь не упустить ни одной яркой детали, которая могла бы украсить мой репортаж. Фотокор сразу включился в дело, норовя поймать в объектив высокое начальство, которому льстило подобное усердие и чинопочитание. Чиновники любили лицезреть свои портреты на первой странице районной газеты и очень обижались, давая нагоняй послушному редактору, когда кто-то из них был обделен вниманием.

После ритуала открытия соревнования и торжественных речей персоны устроились так, чтобы не затеряться среди пестрой, в основном крестьянской, в фуфайках, бушлатах и робах пестрой публики. Напротив делянок по центру симметрично на подиуме возвышался длинный, драпированный красной тканью и с надписью «Слава труженикам села!», стол. За ним гордо восседало жюри во главе с тучным, словно боров-хряк, начальником райсельхозуправления и почетные гости – первые лица местной власти в добротных костюмах в галстуках, фетровых шляпах. Чуть поодаль под бдительной охраной стражей правопорядка были выставлены призы: мотоцикл «Днепр» К-750 с коляской, цветной телевизор «Фотон» и холодильник «ЗИЛ».

На поле динамично, азартно совершалось действие, сопровождаемое криками и одобрения, и досады. Сверкали в ярких лучах осеннего солнца, отшлифованные до блеска лемеха плугов, выворачивающие пласты почвы. Клубилась, уносимая ветром, пыль, ревели моторы и лихорадочно блестели глаза на лицах, одержимых жаждой победы механизаторов. У свежевспаханых борозд, словно грачи, сновали контролеры, замеряли глубину вспашки, чтобы при подведении итогов уличить бракоделов и снизить баллы за низкое качество пахоты. По условиям победителем соревнования признавался тот, кто быстрее и с высоким качеством вспашет делянку.

Через полтора часа лихорадочной гонки в натужном гуле моторов, на последних метрах победу у своих соперников вырвал механизатор колхоза «Россия» сорокалетний Михаил Корнеев. Заглушил двигатель Т-74, он оторвал руки от горячих рукояток рычагов. С белозубой, как у шахтера, улыбкой на запыленном лице, устало спрыгнул с гусеницы на землю. И сразу попал в плотное кольцо земляков. В тот же миг, подхваченный десятком крепких рук, взлетел в воздух.

– Ура, Мишка, браво, молодец! Прославил себя и родной колхоз! – кричали довольные исходом соревнований односельчане. Краем глаза я заметил, что фотокор успела удачно снять. Мне же в суете не удалось у победителя взять интервью. Вскоре состоялась церемония награждения. Трактористам, занявшим три места, были через плечи повязаны алые ленты, Корнееву с надписью «Лучший пахарь», вручены дипломы и призы. Главный приз – мотоцикл «Днепр» К-750 с коляской – достался Михаилу. Председатель колхоза «Россия», седовласый мужчина с пышными усами ходил павлином от распиравшей его гордости, словно выигрыш приза его личная заслуга. Земляки лучшего пахаря, недолго думая, погрузили мотоцикл в кузов грузовика. Корнеев не прочь был его оседлать и проехать с ветерком. Но героя ни на секунду не оставляли без внимания, крепко пожимали его широкую ладонь, одобрительно похлопывали

по крутому плечу, желали столь же убедительной победы на областных соревнованиях, где в качестве главного приза был легковой автомобиль «Лада».

– Пресса, пресса! – размахивая удостоверением, тщетно пытался я пробиться к победителю сквозь плотное кольцо его земляков.

– Погоди, корреспондент, потом. Не суетись, спешка нужна при ловле блох, – оттеснил меня кто-то. – Понимать надо, у Мишки в горле пересохло, деренчить, надо срочно промочить. Запарился человек...

Все же я перебрался с ним несколькими фразами, которых было достаточно, чтобы оживить репортаж прямой речью. Но, увы, слишком мало для очерка, который так и просился на бумагу о статном и веселом с вихрастым рыжим чубом трактористе. Даже без творческих мук родился заголовок «Трудная борозда».

– Понимаешь, – извиняясь, развел он руками, когда его чуть не силой затолкали в черную председательскую «Волгу». – Приезжай через пару дней, тогда и поговорим.

«Волга» в кортеже других автомобилей высоких начальников с проселочной дороги выехала на большак. Куда поехали, меня тогда этот вопрос же очень занимал. На своем потрепанном УАЗе мы с фотокором поспешили в редакцию готовить фоторепортаж в номер.

Мой замысел удачно совпал с заданием редактора написать о Корнееве очерк в четыреста-пятьсот строк. Через три дня я выехал в колхоз. В конторе дородная, располневшая, словно сдоба, секретарша, оторвавшись от журнала, полусонным голосом сообщила:

– Голова колхозу у степу.

Сообщение вызвало ироническую улыбку, ведь председатель соседнего колхоза, регулярно пребывавший «у степу» и отходивший после запоя, был снят с должности. Единственно, чем помогла секретарша – указала маршрут к дому Михаила Корнеева.

– Бажаю успеху, – загадочно улыбнулась, озадачив меня. Почти у самой околицы отыскал дом. Ворота были распахнуты. В моей памяти всплыла поговорка: пришла беда – отворяй ворота. Хотя вопреки ей, здесь триумф пахаря.

По краю бетонированной дорожки была протянута проволока, что подкрепило мои опасения насчет злой собаки, которая в любой момент может наброситься на чужака.

– Корнеев! Михаил Иванович! – напряг я свои голосовые связки. Прислушался, зорко наблюдая за проволокой, готовый отступить при первых признаках опасности. Но проволока не шелохнулась, никто не подал голоса, ни человеческого, ни собачьего. Во дворе увидел мотоцикл, украшенный разноцветными лентами и шарами, будто отставший от свадебного кортежа.

Водитель Василий остался в машине, а я, подождав минуту, осторожно крадучись, пробрался к веранде. Дверь оказалась незапертой. Вошел в веранду, затем в комнату и опешил. За столом, заставленным тарелками со снедью, пустыми и початыми бутылками с самогоном и вином сидел незнакомый мужчина. Поднял всклокоченную голову с посоловевшими глазами и живым огоньком.

– Извините, кажется, ошибся адресом, – отступил я назад.

– Не ап-шип-ся, заходи, все идут по этому адресу, – неуклюже, звеня стаканами, попытался он подняться навстречу. – Давай мы с тобой хряпнем за моего свояка. Молодец Мишка, мотык выиграл, едри его дышло, усем нос утер. Праздник устроил. Теперь на «Ладу» замахнулся...

Он схватил со стола бутылку с остатками самогона и плеснул в граненый стакан.

– Садись, в ногах правды нет. В одиночку только алкаши пьют, а я тверезый, ни в одном глазу, – с трудом ворочал он языком.

– Спасибо, я при исполнении, – отказался вежливо. – Подскажите, где Михаил Корнеев? Я приехал писать о нем очерк.

– Я тоже при исполнении. Запомни: от работы кони дохнут. Ты шас в гостях, – поучал меня мужчина. – Где Мишка? Черт его знает. Пришел, а дверь настежь, я сразу за стол. Как говорят мужики в моем селе, пришел, увидел, выпил и закусил.

– Вы исказили изречение Юлия Цезаря, – заметил я.

– В каком он селе живет, кто такой? Почему не знаю?

– Знаменитый древнеримский император и полководец, живший до нашей эры. Это ему принадлежат слова: пришел, увидел, победил!.

– А, а, он всего лишь победил, а я еще выпил и закусил, – рассмеялся он, довольный своею смекалкой. – Теперь эти слова принадлежат нашим мужикам. Если скажу, что Цезарю, то посчитают, что свихнулся, так как у соседа есть пес по кличке Цезарь. Такие вот пироги.

Он перевел дыхание и продолжил:

– Второй день мотык обмываю. Чтобы было, чем земляков угощать, помог Мишке заколоть хряка. Отведай свежины, вкуснятина, пальчики оближешь.

– Не в рабочее время, – заметил я, чувствуя, что легко от него не избавиться, сказал. – Меня ждет водитель на улице.

– Живо зови его, первача, вина на всех хватит. Имеем полное право уважить героя. Так и запиши в своей газете, что свояк Борька Зуйко первым поздравил ударника..

Из гостиной с бражным «букетом», запахами мяса и квашеной капусты, я вышел во двор.

– Корнеев! Лучший пахарь! – крикнул я, огорчаясь, что впустую проехали от райцентра до села Пушкино больше двадцати километров. Вдруг послышался скрип двери, из погреба вылез заросший щетиной с паутиной на золотисто-рыжей шевелюре мужчина, в котором я узнал пахаря. В тот же миг из конуры, звякнув цепью, выполз черный с белыми подпалинами пес. Сипло залаял и, сконфузившись, глянул на хозяина.

– Ничего, Тишка, побереги голос, – тракторист потрепал его по густой шерсти. – Переживем этот сабантуй. Совсем голос потерял, никогда так много не лалял.

– Что произошло? Почему прячетесь? – спросил я.

– Все нормально, без паники, – произнес он уныло. – У меня, почитай, все село родня: братья, сваты, крестные, друзья. Как приехал с соревнований, так ворота и двери в доме не закрываются – идут косяком с раннего утра до поздней ночи. Жена Анютка не выдержала и на вторые сутки уехала с сыном к теще на блины. Если не уважишь, не выпьешь – обидятся. Я на столе все оставил: выпивку, закуску. Кому захочется, приходят, пьют, на следующий день опохмеляются.

– Почему не за рычагами трактора? – поинтересовался я.

– Председатель дал три дня на сабантуй. – ответил Михаил. – Сам прячусь то в погребе, то в сарае. Невмоготу тосты поддерживать. Несколько десятков раз пожелали мне сибирского здоровья и кавказского долголетия, мотоцикл много раз обмыли. Разве кто от халявы не откажется. Все песни, которые знали, спели, плясали до упаду. Почитай, настоящий плантаж. Глубоко мужики и бабы пашут... Сам, если хошь выпить, так не стесняйся. Иди в хату и по полной программе, а я свой лимит выбрал. Не все коту масленица, пора и честь знать, завтра на работу.

Он рассмеялся, расчесал пятерней непослушные жесткие волосы.

– Тишка, не грусти, выдюжим, не впервой.

Пес доверчиво вильнул хвостом. Возле ворот слышались возбужденные мужские голоса.

– Мишка, накрывай стол, «трубы горят», – подошли два сельчанина, один из которых с гармонью на груди. – Пить будем, гулять будем, один раз на свете живем...

– Мужики имейте совесть. Вы меня вчера поздравляли, до полуночи квасили и анекдоты травили?

– Помним, что поздравляли, а теперь желаем оказать почести, заодно обмоем мотык, а потом прокатимся по селу. Тебе крупно повезло, машина-зверь, можно землю пахать, не то,

что наши драндулеты с хилыми моторчиками. Теперь ты без него шагу не ступишь, – произнес один из них, а второй сходу взял быка за рога:

– Кореш, не будь жлобом. Знаем, что твоя Анюта закуски, деликатесов приготовила на целый эскадрон, не пропадать же добру.

– Милости просим, – указал Михаил на веранду, хотя его так и подмывало послать их подальше, но при мне сдержал эмоции. С блеском в глазах мужики скрылись в веранде.

– Захаживают, словно в кабак, – пояснил Корнеев. – Уже полтора бидона вина выпили и половину хряка съели.

Об объеме выпитого самогона он умолчал, а я заметил, как у ворот столпилась ватага ребятишек мал, мала, меньше Старший из них русоволосый мальчишка озвучил общее желание:

– Дядя Миша, покатай на мотыке.

– Потом, потом, приходите в воскресенье, – пообещал Корнеев. Ребятишки радостно зашумели, решая, кто первым сядет в коляску.

Обернувшись ко мне, Михаил посетовал:

– Представляешь, что будет, если на областных соревнованиях я возьму главный приз – автомобиль «Лада»? Жители из всех сел колхоза пожалуют в гости.

– Пусть тогда председатель и парторг позаботятся о чествовании с чаепитием, – предложил я.

– Да, чаепитие с водкой, вином, брагой, музыкой и плясками земляки обожают. Умеют ударно потрудиться и от души повеселиться.

Искренне посочувствовал Корнееву, ибо слава оказалась обременительной.. Очерк о лучшем пахаре был опубликован, добавив ему популярности. Но о том, что сейчас поведал, тогда не могло быть и речи. По мнению редактора, это бросило бы тень на светлый облик тружеников села. Хотя в жизни немало курьезных и забавных случаев. Твердо убедился, что Михаил – лучший пахарь и свой парень в доску.

К сожалению, нынче подобные соревнования на мастерство механизаторов не проводятся, что не способствует престижу главной сельской профессии. Вместо этого организаторы бизнес-проектов в балке Тубай, что вблизи Симферополя и в рыбацкой деревне «Черные камни» в Бахчисарайском районе устраивают тракт-ралли, джип-фестивали и прочие ток-шоу, где водители, ради развлечения, гоняют по бездорожью, месят почву, на колесных тракторах, джипах и квадрациклах.

«Винодел-новатор»

В середине сентября в разгар сбора солнечных ягод недавний выпускник Крымского сельхозинститута агроном Георгий Чубук столкнулся с неожиданной проблемой. Сочные гроздья винограда, то на одном, то на другом участке плантации, стали усыхать, будто египетская мумия. Он несколько дней ломал голову над тем, что за вредитель или болезнь поражает гроздья?

– Георгий Егорович, принимай срочные меры, – велел ему директор совхоза Василий Ильич Деркач. – Ты спец с красным дипломом, а я всего лишь экономист, поэтому тебе карты в руки. Если завалим план и соцобязательства по винограду, то ни премия, ни переходящее красное знамя за победу в соцсоревновании и другие поести нам не светят. Зато критика, разносы на партхозактиве и прочих совещаниях нам гарантированы. В газете и по радио ославят. Выручай!

– Раньше случаи с усыханием гроздей были? – спросил Чубук.

– Нет, собирали щедрые урожаи, – ответил Василий Ильич. – За достижения коллектив дважды был занесен на районную Доску почета, а меня наградили орденом Октябрьской Революции. Теперь вот с твоим появлением, как снег на голову, возникла проблема. Поройся в учебниках, может, найдешь ценные рекомендации. Позвонили в свою альма-матер профессуре. Обязаны помогать практикам, ведь у них, буквоедов и полиглотов, семь пядей во лбу. Пригласи кандидата, нет, лучше доктора сельхознаук, чтобы с этой тайной разобрался на месте. Сообщи, что отправлю за ним «Волгу», командировку оплатим, питание, культурную программу с дегустацией вин, деликатесов и ночлег обеспечим. Ученые любят, когда их обхаживают, почитают. Время не терпит!

– Может, кусты угнетает филлоксера? Есть такая опасная болезнь, поражающая сначала корни, а потом листья и гроздья винограда.

– Знаю о филлоксере, не с Луны свалился, обрабатываем медным купоросом, – с вызовом заявил Деркач. – Не будем гадать на кофейной гуще. Не до дискуссий, дорога каждая минута, действуй, как я велел.

«Эх, не посрамить бы свой красный диплом, – размышлял Георгий, выходя из кабинета. – Предлагал ведь профессор Полюшко продолжить учебу в аспирантуре, так нет, решил заняться практикой, накопить материал для диссертации. И вот тебе наткнулся на камень преткновения. В теории – гладко, а на практике – досадный «сюрприз».

Весь вечер, обложившись книгами, в том числе раритетной «Винкомбинат «Массандра», 1951 года издания, агроном штудировал статьи ученых и студенческие конспекты, но тщетно. Загадка усыхания гроздей осталась нераскрытой.

На следующий день позвонил в сельхозинститут на кафедру виноградарства и плодоводства. По густому баритону узнал доктора сельхознаук Вениамина Яковлевича Полюшко.

– Добрый день, уважаемый профессор! Извините, что отвлекаю вас от дел...

– С кем имею честь?

– Чубук, ваш студент и выпускник.

– А-а, Жора, как же помню, рад слышать, говори.

– Вениамин Яковлевич, возникла серьезная проблема, на виноградной лозе стали усыхать гроздья. Явных причин на то нет.

– На каких сортах это происходит, столовых или винных?

– Усыханию подвержены гроздья сортов Саперави, Мускат, Изабелла, Кокур...

– Процесс происходит быстро или растянут во времени?

– После ночи гроздья выжаты, словно лимон.

– Странно, – констатировал профессор. – Не исключено физическое воздействие.

– Может, выкроите время, наведайтесь в совхоз, чтобы разобраться на месте? – робко предложил Чубук. – Директор пришлет за вами «Волгу», оплатит командировку, обеспечит питанием, ночлегом и культурной программой с дегустацией...

– С командировкой повременю. Для начала в течение суток, особенно ночью, понаблюдай за участками, где выявлены очаги усыхания гроздей, – посоветовал Полюшко. – О результатах сообщи, тогда и решу, целесообразен ли мой приезд?

– Будет сделано, благодарю за совет! – бодро произнес агроном.

Вместо того, чтобы отправиться в дом культуры на танцы, где Георгий присмотрел стройную брюнетку Жанну, он, как только на небе проклюнулись первые с хрустальным блеском звезды, прошел на плантацию, где давеча увидел с десятков кустов с высохшими гроздьями.

В ста метрах находился сбитый из досок шатер сторожа с лестницей, ведущей на пост для наблюдения за обстановкой на винограднике, дабы пресечь хищение урожая. Решил сторожа, неказистого мужика Павла Гордеева не беспокоить. Между рядами кустов на шпалере прошел на участок. Не доходя десяти метров, в бледном лунном свете, увидел силуэт. Незаметно приблизился, пригляделся и узнал сторожа. Сидя на корточках, он, как заправский дояр, словно коровье вымя, сжимал пальцами обеих рук гроздь. Выдавливал сок в ведро, будто молоко в подойник.

– Ага, попался, голубчик! – крикнул агроном в раковину его уха, ликуя из-за того, что раскрыл тайну, – Прекрати дойку! Кто разрешил?

От неожиданности Гордеев вздрогнул, однако ведро с соком не опрокинул, удержал. Придя в себя, деловито пояснил:

– Ягоды до самой земли склонились, того гляди, начнут гнить, портиться, вот я и решил облегчить лозу.

– Почему не срезаешь гроздь в ящики, чтобы сдать бригадире, а выдавливаешь сок?

– Так это винный, а не столовый, сорт, все равно под пресс пойдет, – ответил он. – Жажда одолела, очень захотелось соку, а жевать нечем, зубы ни к черту, надо протезы ставить, вот и решил немножко в ведерко нацедить.

Георгий посветил фонариком в ведро.

– Немножко? Литров семь-восемь нацедил?

– Шибко увлекся, в темноте не заметил, сколько там?

– Тебе при таких навыках следовало бы на ферме доярком трудиться. Так ведь утащишь молоко и сливки. Черного кобеля не отмоешь добела.

– К молоку и сливкам я равнодушен.

– Гордеев, этот номер не пройдет, – строго промолвил Чубук. – Временно отстраняю тебя от работы, окончательное решение за директором.

– Кто же будет виноград охранять? Жители, словно саранча, налетят и обнесут до последней грозди, – всполошился Павел.

– Кроме тебя некому обнести.

– Товарищ Чубук, будь человеком, а не гнидой. С кем не бывает, бес попутал, все люди грешные. На первый случай мог бы закрыть глаза и простить, – взмолился сторож. – Не вздумай настучать Ваське Деркачу и Кандыбе. Давай договоримся. Ты ничего не видел, а я тебе дам пять литров коньяка или кальвадоса. Без сивушных масел, синим пламенем горят. Если тебя не устраивает коньяк и кальвадос, то десять литров натурального вина Изабеллы или Каберне? Девчат угостишь, чтобы полюбили тебя душой и телом. Поди, кровь молодая бурлит? Эх, где мои семнадцать лет?

– Торг неуместен, – возразил агроном, но Гордеев, будто уши ватой заложило, продолжил:

– Какое вино предпочитаешь, красное, белое или бордовое? Могу изготовить золотистого, пурпурного, даже шоколадного, как «Черный доктор», цвета.

– Удивил, прямо таки самородок, «винодел-новатор», – усмехнулся Георгий. – На кафедре я досконально изучил технологию виноделия.

– Соглашайся, ударим по рукам?

– Ударю по ногам, чтобы не расхищал народное добро, – пригрозил агроном. Тогда сторож прибег к последнему аргументу:

– Познакомлю тебя со своей дочерью Аленой. Писаная красавица, уродилась в супругу Тоню. Почитай, первая невеста на селе, от женихов нет отбоя. Окончила Московский институт культуры, на днях домой приедет. Оба с высшим образованием, достойны уважения и почета. Настрогаете детишек. Будет с кем, нам с Тоней на старости лет заниматься. Когда породнимся, сменишь свою смешную фамилию Чубук. Зазвучит красиво и гордо – Георгий Гордеев, а никакой-то там чубук или дундук.

– Да, очень «гордо», особенно после задержания с поличным.

– Какой ты, однако, упертый, хоть кол на голове теши. Сразу видно, что для тебя сельская житуха, нравы, обычаи – темный лес, – посетовал сторож. – В селе так повелось, что каждый, что-то с работы несет. Завхоз и завскладом – продукты, корма и стройматериалы, доярка – молоко и сметану, садовод – фрукты и ягоды, шофер – бензин, тракторист – солярку и удобрения... Поживешь пару лет и тоже научишься видеть и подбирать, что плохо лежит...

– Для меня честь и совесть дороже личной выгоды, – твердо заявил агроном.

«Где он взялся на мою голову, ничем истукана не прошибешь», – с огорчением подумал Гордеев по пути в сторожку. Чубук сделал вывод: «Недаром пожертвовал свиданием с Жанной, фортуна мне улыбнулась. Главное, что оправдал доверие директора, теперь моя репутация, как специалиста, не подлежит сомнению».

Утром о раскрытии тайны он доложил Деркачу.

– За то, что устроил засаду, задержал несуну, ты заслужил премию, – похвалил Василий Ильич и заметил. – Получается, что поставили козла в огород капусту стеречь. Отправлю его на ферму навоз убирать и быкам хвосты крутить.

После паузы продолжил:

– Будет чем участковому Тарасу Кандыбе заняться. Потребую, чтобы произвел обыск в доме и на подворье Гордеевых.

Масло в огонь подлила супруга Павла, Антонина Тихоновна. Часто пребывая во хмелю, поведала, столь же острой на язык, балаболке Серафиме.

– Сунулась я постирать белье в машинке «Рига-17», а в емкости бурлит сусло и винный дух витает. Сразу догадалась, что Павлуша приспособил центрифугу, чтобы ускорить брожение. Даже инженер и механик с высокими лбами, но куриными мозгами, не додумались применить стиральную машину для ускорения брожения сусла. Наверное, дипломы за сало купили. А мой муж – самородок, у него не только голова, но и руки золотые. За это изобретение ему положена премия. Обязательно соберусь с мыслями и напишу письмо в газету и на телестудию, чтобы напечатали о нем рассказ и сняли фильм. Заслужил, благодаря моей постоянной заботе. Кормлю его, как на убой. Мы не какие-нибудь Барановы или Козулины, а Гордеевы! Звучит гордо и звонко, словно серебро. Такую фамилию обычно носят генералы и адмиралы.

– Что же твой Павлуша не стал генералом или адмиралом? – уязвила ее Серафима, – Жила бы, как у бога за пазухой. Ходила бы не в хлев к свинье, а по ресторанам, театрам и музеям...

– Я – не белоручка, на судьбу не жалуясь, живу весело в свое удовольствие, – заявила Антонина и, перейдя на шепот, сообщила. – После ночной смены Павлуша домой возвращается с канистрой сока, В погребе у нас вина разных сортов, тут тебе Каберне и Мускат, Алиготе и Кокур, Ркацителли и Саперави, Изабелла и Бычий глаз... Муж научился из вина изготавливать

коньяк, а из яблочного сока – кальвадос. Дюже крепкий, водка и рядом не стояла. Теперь до следующего сезона семья напитками обеспечена. Как те французы, вместо чая и компота пьем вино, а по большим праздникам – коньяк и кальвадос.

– Для тебя каждый день праздник, всегда под «градусом», – усмехнулась Серафима и вскоре, словно сорока-белобока, разнесла весть по селу.

Ранее Гордеев угрожал поколотить Антонину для профилактики, чтобы держала язык за зубами. Волю кулакам не давал, так как опасался, что благоверная заявит участковому Кандыбе, за въедливость прозванному Аниськиным, На сей раз, недоглядел, супругу часто распирало неистребимое желание сообщить срочную новость, похвастаться, чтобы все восхищались и завидовали. Известно, что язык без костей. Из-за чрезмерной говорливости, сама того не желая, она выдавала семейные тайны. Из благих побуждений сделала супругу антирекламу, фактически сдала с потрохами.

Участковый свалился, как снег на голову. В присутствие понятых, в том числе агронома Чубука, конфисковал самогонный аппарат, посредством которого Павел из вина делает коньяк, добавляя для цвета кофе.. Такая же участь постигла самодельный пресс, столитровую бочку с молодым вином, два десятилитровые бутылки с коньяком и кальвадосом, канистры и ведра, признав их орудиями преступления. Винокурня приказала долго жить.

Кандыба «для протокола» охотно дегустировал коньяк, кальвадос и разные вина, сетовал, что по долгу службы приходится пробовать зелье, напрягать печень, жертвовать здоровьем. В надежде на досрочное присвоение звания «капитан», поощрение начальства за изобличение самогонщика, взял Гордеева в крутой оборот. Оформил материалы, представив Петра злостным любителем «зеленого змия», и обеспечил путевкой в Керченский ЛТП*.

Проявил ли предприимчивый сторож задатки «винодела-новатора» в казенной обители, мне неизвестно?

*** ЛТП – лечебно-трудовой профилакторий.**

Синекура

В конце февраля, когда в садах, на полях и плантациях, покрытых скудным снегом, затишье, а в городе-герое Волгограде, не столь много, как в летне-осенний период, туристов, из горкома партии этого города поступило приглашение в райком партии Советского района с приглашением для победителей соцсоревнования, ударников пятилетки. Редактор рекомендовала меня, как заведующего отделом сельского хозяйства газеты «Приазовская звезда».

Таким образом, как говорится, она одним выстрелом поражала двух зайцев. Во-первых, поощряла сотрудника за усердие; во-вторых, дала мне задание написать цикл репортажей об этом визите. В одном лице я представлял и туриста, и журналиста. Возможность выехать за пределы района, где за три года работы я успел побывать во всех селах и даже глухих деревеньках, на полях, фермах и прочих объектах, меня обрадовала, ибо сулила яркость новых впечатлений.

Делегацию из десяти человек, среди которых механизатор, доярка, виноградарь, свиновод, чабан, учитель, культработник, инструктор райкома партии и журналист, возглавил второй секретарь райкома партии Дмитрий Георгиевич Гамов.

После короткого инструктажа, напутственных слов из уст первого секретаря на станции Краснофлотская разместились в плацкартном вагоне поезда, следовавшего по маршруту «Севастополь-Свердловск».

В Керчи вагоны загнали на палубу дизель-электрохода, и в течение получаса переправили через Керченский пролив. Пассажиры в это ночное время пребывали на палубе, взирая на удаляющиеся огни древнего города, на взрытые паромом буруны морской воды. На таманском берегу пассажирский поезд обрел локомотив и свои прежние очертания, а его обитатели заняли места в вагонах. В Волгоград прибыли без приключений.

Приглашающая сторона встретила нас по высшему разряду с цветами и хлебом-солью. К перрону подали автобус и доставили к гостинице. Разместили в двухместных номерах «люкс». Гамов и инструктор Карпенко поселились отдельно. Номер, куда определили меня и механизатора Василия Трошина, о котором я ранее опубликовал в газете зарисовку, находился рядом. Опекавший нас завотделом горкома партии, каждому вручил красочные программки, рассчитанные на три дня пребывания. Развернул и наткнулся на первую графу: банкет в ресторане по случаю встречи делегации из Крыма.

Далее следовали мероприятия по посещению памятников, мест ожесточенных сражений, встреча с участниками Сталинградской битвы. Завершалась программа прощальным банкетом по случаю отъезда гостей.

На пиршество организаторы встречи не поскупились, стол ломился от яств и напитков. Особенно запомнилась сочная с корочкой котлета по-киевски с нарезанным соломкой поджаристым картофелем, бутерброды с черной и красной икрой, осетрина, балыки и прочие деликатесы. Из напитков – советское и мускатное шампанское, вина из погребов крымской «Массандры», армянский коньяк, рижский бальзам, водка «Адмиралтейская», «Посольская», любимая генсеком «Зубровка» и «Старка»,...

Первый тост в честь нашей делегации провозгласил завотделом горкома, а в застолье приняли участие несколько его коллег, включая очаровательную женщину (без них ни президиум, ни банкет-фуршет немислимы). Он пожелал здоровья, трудовых успехов во славу и процветание Родины, ярких впечатлений от посещения Волгограда.

Подняли фужеры, с хрустальным звоном от прикосновения, дружно выпили их содержимое. С ответным тостом выступил Гамов:

– Передаю привет мужественным жителям города-героя из солнечного Крыма. Благодарю за теплый прием и желаю достижений в реализации решений ЦК КПСС. Приглашаю в гости с ответным визитом. Приезжайте в апреле-мае, встретим столь же радушно и достойно. Покажемся все, чем богаты, цветущие сады, зеленые поля и виноградники, тучные стада КРС и отары овец...

Дмитрий Георгиевич в этот вечер был в ударе. Предложил тост за прекрасных женщин – строителей коммунизма, не скупился на комплименты в их адрес.

Впервые видел его в таком раскованном, добродушном виде. От него по части дегустации напитков старался не отстать инструктор Валерий Карпенко. Будучи подшофе, я тоже не удержался и провозгласил тост в форме небольшого стихотворения «Солдаты Отчизны», сорвал аплодисменты. Банкет продолжался до полуночи.

На следующее утро похмелялись, кто холодным пивом, кто минеральной водой или зеленым чаем. Профессия журналиста, над которым дамокловым мечом висит задание по освещению того или иного события (газета, в отличие от журнала ждать не будет), приучила меня к тому, что, если невозможно отказаться от питья, то, дабы не выглядеть белой вороной, пить в меру. Чтобы после застолья голоса оставалась ясной, мог написать статью, репортаж или очерк. Поэтому сохранял присутствие бодрого духа, чтобы не только фужер, но и перо не выпало из руки.

Диктофоны тогда были лишь у маститых московских журналистов, а моим оружием, как поется в фронтовой песне на стихи Константина Симонова, блокнот и ручка. За ужином в ресторане я не увидел Гамова. Во время посадки в туристический автобус его тоже не оказалось.

– Что с Дмитрием Георгиевичем, почему его нет? – поинтересовался у Карпенко.

– Нездоровится, устал после вчерашнего сабантуя, – ответил инструктор. – Старые раны беспокоят, да и возраст не щадит, ему ведь скоро стукнет шестьдесят. Поручил мне с вами заниматься. Дело привычное, не в тягость. Набираюсь опыта руководящей работы, пригодится, когда пойду на повышение.

– Он был ранен, когда, где?

– Дмитрий Георгиевич – фронтовик, бывший военный летчик, майор, орденосец. Сражался с фашистами на штурмовике Ил-2, который из-за бронированной кабины и огневой мощи наши асы называли «воздушным танком», а фашисты окрестили «черной смертью». Это очень льстило, вызвало гордость у тех, кто был за штурвалом этого грозного самолета. За годы войны было выпущено более 36 тысяч Ил-2, больше, чем каких-либо других самолетов. Гамов своей отвагой заслужил почет и уважение. За годы войны столько с неба насмотрелся разрушений и бедствий, что болезненно переживает посещение мест сражений.

В первый день после приезда во время посещения памятника-ансамбля «Героям Сталинградской битвы» на Мамаевом кургане, созданного по проекту скульптора Е.В. Вучетича и инженера Н.В. Никитина, меня поразил монументальностью и величию зал Воинской славы со стелами в форме приспущенных траурных знамен с начертанными на них именами павших защитников Сталинграда. В центре зала, будто протянутая из земли, могучая рука с факелом.

Далее наш путь пролегал на заснеженную вершину Мамаева кургана, над которым возвышалась, созданная из железобетона скульптура Родина-мать в образе женщины высотой 85 метров с мечом из титана, длиной 33 метра и весом 14 тонн. Общий вес этого грандиозного сооружения составляет более 8 тысяч тонн.

Во второй день осмотрели Дом сержанта Павлова, блиндажи и доты на линии обороны; на третий – площадь Павших борцов и универмаг, в подвале которого был пленен командующий 6-й армией фельдмаршал Фридрих Паулюс, один из авторов операции блицкрига «Барбаросса».

Несмотря на то, что со времени разоблачения очередным вождем Никитой Хрущевым культа личности Иосифа Сталина, выноса ночью его тела из мавзолея и переименования Сталинграда в Волгоград прошло более двух десятилетий, многие жители волжской цитадели, особенно ее защитники, считали себя сталинградцами.

В те дни в городе на гастролях находились артисты Московского цирка. Мне и Трошину удалось побывать на представлении. Уже достаточно популярный к тому времени клоун Юрий Никулин обратился к зрителям со словами: «Дорогие сталинградцы...», тем самым, вызвав бурные аплодисменты.

Все дни «парадом» командовали представитель горкома партии, инструктор Карпенко и экскурсовод. «Странно, неужели Гамова не интересуют достопримечательности города? Если он прежде здесь побывал, то делегацию мог бы возглавить другой партработник? – терялся я в догадках. – Каким образом его участие я представлю в репортажах? Придется после возвращения по итогам поездки взять интервью».

Карпенко объяснил отсутствие шефа недомоганием из-за простуды. О диагнозе «болезни» главы делегации я догадался, когда вечером, накануне отъезда из приоткрытой двери номера повеяло стойким запахом спирта. Понял, каким средством лечатся наши опекуны. Несложно было предположить, что они, уединившись подальше от ресторана с его музыкой, танцами и гулом, допоздна поминают воинов, павших смертью храбрых. Появился он на публике лишь на банкете по случаю отбытия делегации.

Не думаю, что Дмитрий Георгиевич был силен в познании марксистско-ленинской идеологии, да и ораторскими способностями не отличался. Выступая перед аудиторией, читал тексты, подготовленные инструкторами или лекторами общества «Знание». На высокую в масштабах района должность его назначили по протекции за боевые заслуги в годы войны. Возможно, благодаря ходатайству кого-то из бывших сослуживцев авиаполка.

С колокольни нынешнего времени такое трудоустройство назвали бы синекурой. Впрочем, на фоне прогрессирующей семейственности, кумовства, протекционизма, назначение заслуженного ветерана мне не представляется предосудительным, тем более антигуманным.

Летчик-фронтовик, рисковавший жизнью в воздушных сражениях, получивший ранения, заслужил заботы и почести. К сожалению, пристрастился к спиртному, к ста граммам наркомовских, выдаваемых для отваги, подъема боевого духа. Как и многие фронтовики, не смог избавиться от этой пагубной привычки. Главное, что они исполнили священный долг – отстояли Отечество!

Записей в блокноте и ярких впечатлений мне хватило на цикл репортажей. О банкетах ни слова. Они подразумевались под предложением: «Жители Волгограда оказали нашей делегации теплый прием, за что мы им искренне благодарны».

Время жестоко и необратимо, оно уносит людей мужественного поколения, настоящих патриотов, последних из могикан.

Застолье с классиком

В сельскохозяйственный отдел редакции районной газеты «Приазовская звезда», которым я заведовал, поступила статья о мелиорации земель за подписью П. Шурхал. Вчитался, написано грамотно со знаками препинания. Текст не нуждался в правке, обычно необходимой для рукописей некоторых авторов, живущих в селах степного района. Нередко их сочинения, написанные неразборчивыми почерками, мне приходилось расшифровывать, переписывать заново, чтобы у машинистки Ани не возникало вопросов.

Признаюсь, что при виде прелестного создания с завитушками светлых локонов дышал неровно. Не упускал случая, чтобы быть рядом, диктовать, написанное, ощущать ее дыхание, видеть василькового цвета глаза, сочные губы...

Из текста узнал, что Шурхал живет в поселке Советский, а вот профессию и место работы он не указал. Решил посоветоваться с коллегой, обратился к ответственному секретарю Людмиле Сергиенко:

– Статья толковая, поучительная. Как лучше представить автора? Селькором не годится, так как живет в поселке городского типа, в райцентре. Может, рабкором, но неизвестно, работает ли он и на каком предприятии?

– Володя, не ломай голову, Павел Алексеевич, ранее работал директором техникума механизации и мелиорации сельского хозяйства, а теперь на пенсии, как принято говорить, на заслуженном отдыхе, – сообщила Сергиенко.

– Значит, так и укажем, пенсионер, – с легкостью предложил я.

– Ни в коем разе, иначе обидится, – возразила она. – Грех называть его стариком. Бодрый, ведет здоровый образ жизни, увлечен велоспортом. Редко, когда увидишь его без велосипеда. Подпиши «наш внешкор», то есть «наш внештатный корреспондент».

Охотно последовал совету сотрудницы. Отдал два листа рукописи машинистке, бойко игравшей тонкими пальцами на клавиатуре пишущей машинки «Ятрань». Испытывая к красивой девушке симпатии, попросил:

– Анечка, не откладывай в долгий ящик. Статья пойдет в следующий номер газеты.

– У меня рукописи не залеживаются, – ответила недавняя выпускница школы, успевшая окончить курсы машинописи, мечтавшая о профессии литератора. Я знал, что на досуге она, увлеченная творчеством Корнея Чуковского, Аркадия Гайдара, Павла Бажова и Агнии Барто, пробует писать стихи и рассказы для детей, надеется заработать рекомендацию для поступления на филфак Одесского госуниверситета.

На следующий день через окно кабинета, а редакция и типография располагались в одноэтажном здании по соседству со зданиями райкома партии и райисполкома, я увидел, как к входной двери на велосипеде подъехал высокий мужчина. Прислонил свой транспорт к ограде и вошел в помещение. По звуку шагов в узком и длинном коридоре я определил, что он направился в сторону кабинетов редактора и отдела писем. Минут через пять услышал стук в дверь.

– Войдите! – пригласил я. На пороге предстал ранее увиденный мною, стройный, не обремененный избыточным весом, велосипедист. Ответив на приветствие, пригласил его к столу. Он представился и поинтересовался:

– В отделе писем мне сообщили, что вы занимаетесь моей статьей. Может, есть претензии, замечания, вопросы?

– Вопросов нет, написано профессионально, убедительно.

– Не могу и не хочу сидеть без дела, поэтому взялся за перо. Не ради гонорара, а для пользы общего дела, – признался Шурхал. – Своевременное выполнение работ по мелиорации земель очень актуально. Дело в том, что чрезмерное использование днепровской воды из

Северо-Крымского канала чревато засолением почвы, подъемом грунтовых вод. Они превратят, особенно низменные участки, в болото. Речь не о рисе, выращиваемом в чеках, заполненных водой, как того требует технология, а о пшенице, ячмене, кукурузе и других растениях. Для них с учетом свойств почвы существуют научно обоснованные нормы полива. Чтобы сэкономить почву от эрозии, необходимо расширить дренажную систему для отвода излишков воды...

Я с интересом внимал его аргументам, развивавшим содержание ранее предложенной рукописи.

– Впрочем, это наброски, тезисы для очередной статьи, – сообщил Павел Алексеевич и спросил. – Когда выйдет в печати?

– В субботнем номере. Если не возражаете, то представим вас читателям в качестве нашего внешкора?

– Годится, – сдержанно улыбнулся он. – Не писатель ведь, хотя в ваши годы помышлял о профессии журналиста, но увлекла агрономия, селекция растений. А вот с настоящим писателем, да еще каким, встретиться посчастливилось...

– С кем встретились? – мгновенно сорвалось с моих уст

– С Шолоховым Михаилом Александровичем, Героем Социалистического труда, лауреатом Ленинской, Сталинской и Нобелевской премий в области литературы.

– Вот это да! – восхитился я, давно мечтавший побывать в станице Вешенской Ростовской области, чтобы, хотя бы издали увидеть знаменитого на весь мир автора «Тихого Дона», «Поднятой целины», «Донских рассказов», «Судьбы человека», знакомых еще со школьной скамьи.

– Сидел с ним за одним столом, – продолжил Шурхал.

– За письменным?

– Ну, что вы, в вагоне-ресторане скорого поезда «Дон», следовавшего из Москвы в Ростов-на-Дону, – ответил Павел Алексеевич. – Писатель из столицы возвращался в родную станицу Вешенскую. Случайно оказался с ним в одном купейном вагоне. Узнав о таком именитом попутчике, пассажиры не скрывали своей радости. Тех, кто оказался поблизости от его купе, Шолохов пригласил в вагон-ресторан. В их числе оказался я. Набилось желающих пообщаться с классиком, столько, сколько мог вместить ресторан. Он не скупился, щедро угощал напитками и блюдами. Между тостами отвечал на вопросы.

У одной из молодых поклонниц оказалась с собой книга «Донские рассказы» и она, волнуясь, попросила:

– Михаил Александрович, пожалуйста, напишите автограф. Я восхищена вашим творчеством, мечтала о встрече.

Он охотно расписался на титульном листе. Мне и другим участникам неожиданной встречи осталось лишь сожалеть о том, что под рукой не оказалось изданий великого писателя.

Некоторые из приглашенных попутчиков интересовались отношениями Шолохова со Сталиным.

В частности, спрашивали, заказывал ли вожь написать о нем роман «Отец» по аналогии с романом М. Горького «Мать», на что писатель ответил, что это слухи.

– А вам, удалось задать вопрос?

– Да, спросил, почему в финале «Тихого Дона» главный герой эпопеи о казачестве Григорий Мелехов не перешел к большевикам, не вступил в Красную армию?

– Что он ответил?

– Дословно уже не помню, но смысл таков. Он объяснил, что до определенного момента герои произведения подчиняются воли и творческому замыслу писателя. Но потом, когда сформированы их характеры, в силу условий и обстоятельств, сопротивляются, выходят из-под контроля автора, действуют в соответствии с логикой событий, в частности, происходивших на Дону в годы гражданской войны, массовой коллективизации, которую в штыки встре-

тили многие, особенно, зажиточные казаки, так как опасались за разрушение векового уклада жизни. Это почти все сказки заканчиваются свадьбами и прочими приятными событиями, а развязка в романах, повестях и рассказах, как и в жизни, бывает трагической.

На вопрос, намерен ли написать продолжение «Тихого Дона», сказал, что это цельное, законченное произведение о бурных, драматических событиях минувшей эпохи, сообщил, что работает над романом «Они сражались за Родину».

– После этого доводилось видеть Шолохова?

– К сожалению, нет. Но та встреча с писателем, скромным, доброжелательным, улыбочивым, настоящим донским казаком, до сих пор согревает мне сердце, – признался Шурхал. – Талант – от природы и трудолюбия. Больше всего ценю, что писатель не зазнался. Другие прозаики и поэты, едва получив признание, вкусив плоды славы, перебираются в Москву, Ленинград, поближе к органам власти, издательствам и редакциям журналов, а Михаил Александрович верен родному Дону, станице, землякам. Твердо следует поговорке: где родился, там и пригодился.

Не знаю, правда это или байка, но слышал, что писатель часто устраивает для земляков праздники с застольями, на которые приглашает казаков, много повидавших на своем веку. В разгар пиршества несколько девушек-стенографисток старательно записывают в блокноты мудрые, красочные изречения из уст гостей. Эти «золотые россыпи», народный фольклор, Шолохов использует в своих произведениях. Поэтому их язык очень самобытный, образный, живописный. Отсюда такие перлы просторечия, как пшеница (пшеница), гуторят (разговаривают) и другие. ...

– Творческий подход, разумный и рациональный, – заметил я и предложил. – Павел Алексеевич, у вас бойкое перо, напишите очерк о встрече с классиком?

– Размышлял над этим, но возникли сомнения, вдруг, что-то не так напишу, преувеличу или упущу из внимания? Михаил Александрович сейчас в преклонных годах. Из прессы знаю, что ему нездоровится, прочитает и обидится. Не хочу омрачить ему настроение.

– Газета распространяется в нашем районе, вряд ли попадетс я ему на глаза?

– Тесен мир. Вдруг по теории вероятности кого-то из жителей Вешенской занесет в наш район, увезет с собой в станице газету. Обвинят меня в том, что возвел хулу на их земляка, представив его загулявшимся купцом, устроившим застолье. Попробуй, потом докажи, что он уважил случайных читателей. Славы и почестей у Михаила Александровича уже тогда было через край. Не скупился, за счет его премий и гонораров в станице возведены новая школа, больница и другие здания, построена дорога, мост – все для блага людей. На таких личностях земля держится.

Статья о мелиорации вышла в субботнем номере. За ней последовали другие публикации активного автора, отмеченного на День печати почетной грамотой и набором дефицитных в то время книг русской классики.

Отрадно было наблюдать, как Шурхал, не реже одного раза в неделю, подкатывал к зданию редакции на велосипеде. Сотрудничество продолжалось до того дня, пока меня не перевели на работу в бахчисарайскую районную газету «Слава труду», где произошли встречи с новыми интересными людьми, необыкновенными историями.

Ночной рейд

С приходом днепровской воды по руслу Северо-Крымского канала, в церемонии открытия которого принял участие глава государства Никита Хрущев, впоследствии названный за любовь к «королеве полей» кукурузником, забот у сельских тружеников прибавилось. Прежде, до 1962 года, в засушливых степях полуострова, где ветер гонял перекасти-поле, крестьянам приходилось уповать лишь на «небесную канцелярию». Внимали прогнозам синоптиков в надежде на то, что пойдет дождь и урожай, той же кукурузы, зерновых колосовых, овощей, фруктов и винограда будет щедрым.

До крестных ходов с иконами и молитвами не доходило, ибо в стране атеистов религию считали «опиумом для народа» и в божественное чудо не верили. Ведь даже с поступление живительной влаги Крым продолжает оставаться зоной рискованного земледелия из-за ранних весенних заморозков. Однако в случае засухи орошение гарантирует, хотя бы среднего уровня урожай. К концу 80-х годов прошлого столетия площадь орошаемых земель на полуострове достигла 400 тысяч гектаров и, если бы не развал единого государства, то превысила бы полмиллиона гектаров.

Чтобы днепровская вода использовалась рационально с учетом состояния почвы и потребностей растений, а не наобум Лазаря, что приводило к заболачиванию и засолению, выводу земель из севооборота, журналисты районной газеты «Приазовская звезда» периодически с участием членов народного контроля и специалистов райсельхозуправления проводила рейды по полям, рисовым чекам, садам и виноградникам.

Однажды агронома по орошаемому земледелию из райсельхозуправления Леонида Трайнина осенило. Войдя в мой кабинет, он предложил:

– Проведем рейд ночью, когда машинисты дождевальных агрегатов остаются без присмотра бригадиров, специалистов совхозов и колхозов и, наверняка, нарушают нормы полива, расточительно во вред растениям, расходуют воду, что ведет к дополнительным затратам, росту себестоимости продукции и заболачиванию почвы.

– В предложении есть рациональное зерно, – поддержал я. Вместе зашли в кабинет редактора, мотивировали целесообразность ночного рейда. Выслушав, Полина Иннокентьевна дала «добро» и напутствовала:

– Уверена, что вы станете новаторами в этом деле, ибо пока еще никто не догадался проверить качество орошения в ночное время. Опыт позаимствуют другие редакции районных газет.

Трайнин, как инициатор, возглавил рейдовую бригаду. В нее вошли: автор этих строк, корреспондент районного радиовещания Любовь Сиваченко, супруг которой Анатолий в ту пору работал собкором «Крымской правды», а впоследствии председателем телерадиокомпании «Крым». За баранкой редакционного УАЗа с табличкой «пресса» на лобовом стекле был водитель Василий Федорцов.

– Лиха беда пути начало, – со слов поэта Александра Твардовского озвученных агрономом Трайниным, мы в полночь выехали из поселка Советское на поля колхоза имени Чапаева, расположенные вблизи села Некрасовка.

Прибыв на место, вышли из машины. В свете фар УАЗа дождевальная установка ДДА-100МА с трактором ДТ-75М в центре, ажурной металлической конструкцией, предстала фантастическим динозавром, распростершим могучие крылья на сто метров. Хрустально сверкали россыпи воды, падая на темный массив кукурузы, предназначенной на силос.

– Странно, почему машинист не реагирует на наш приезд? – озадаченно произнес Трайнин.

– Наверное, увлечен работой, – предположила Сиваченко., держа в руке громоздкий магнитофон и шнур с микроном.

– Любовь Михайловна, позвольте. я помогу, – видя, как аппарат оттягивает руку, предложил я.

– Спасибо, – улыбнулась она, передав магнитофон, виновато заметила. – В областном комитете по телевидению и радиовещанию обещают портативный магнитофон «Маяк», но видно обещанное три года ждут.

– Будет и на вашей улице праздник, – обнадежил Леонид. Он забрался на гусеницу трактора и открыл дверь кабины. Мы услышали храп с присвистом, подобным сигналу закипевшего самовара.

– Хорош гусь, – вслух возмутился агроном. – В сталинское время НКВД арестовало бы за саботаж и отправило в рудники добывать руду или в тайгу валить лес.

Потормошив за плечо машиниста, Леонид крикнул в ухо:

– Боевая тревога, подъем!

Мужчина встрепенулся, протер ладонью глаза.

– Кто, что, зачем? – испуганно спросил.

– Проверка, рейдовая бригада из райцентра, а ты дрыхнешь, как сурок, – упрекнул агроном.

– Лишь на минутку прикрыл глаза, – робко оправдывался машинист.

– Если бы на минутку, – возразил Леонид. – Воды на этом участке, как на рисовых чеках или в бассейне, не успевает в почву впитываться, а ты все льешь и льешь на одном месте. Явное нарушение нормы полива.

– Маслом кашу не испортишь, – попытался отшутиться бракодел.

– Это как раз тот случай, когда масло, точнее, лишняя вода повредит растением и почве. Во всем должна быть разумная мера, научно-обоснованная норма полива, Если супруга пересолит борщ или суп, ты его не станешь кушать, может даже и поколотишь благоверную для профилактики. Так и здесь, необходим оптимум воды, – наставлял Трайнин. Представив себя и нас, приказал:

– Отключи орошение.

Машинист отключил насос, подававший воду в трубы и распылители конструкции.

– Как зовут?

– Николай, а по отцу Семеныч.

– Вот, что Николай, чтобы другим было неповадно, составим акт о браке.

– Составляйте. Вам из кабинета виднее, чем мне из кабины трактора, – хмуро отозвался мужчина. – Я академий не кончал, за плечами лишь профтехучилище механизации. Мое дело управлять рычагами и давить на педали.

– Где напарник?

– Отлучился на насосную станцию, чтобы проверить приток воды, – неудачно солгал машинист.

– Может, отпустил к знойной бабе под пуховое одеяло?

– Нам не до баб, так наработаемся, что едва ноги держат, – возразил Николай. – машинистов-сменщиков не хватает, приходится работать в полторы смены, поэтому клонит в сон. Я ведь не железный, трактор и тот часто ломается.

– В полторы смены? – повторил Леонид. – Это не годится. По этому поводу поговорим с председателем, чтобы соблюдал трудовое законодательство и правила техники безопасности.

– Причина уважительная, Николай Семенович устал, – посочувствовала Сиваченко и на правах члена комитета народного контроля предложила. – От составления акта воздержимся, но в статье и радиопередаче отметим факт нерационального использования воды и причину.

– Спасибо, – заметно взбодрился машинист, почувствовав, что угроза наказания миновала.

– Доброе у вас сердце, Любовь Михайловна, – заметил Трайнин.

– Дело не только в доброте, но и в справедливости, – подчеркнула она. – Николай при таком режиме трудиться на износ, без полноценного отдыха.

Я записал фамилию, данные машиниста в блокнот, а Сиваченко диалог на пленку магнитофона

– Перемещай трактор, – велел агроном машинисту и тот медленно переместил дождевальный агрегат на другой участок плантации.

Мы сели в УАЗ и Василий доставил нас к очередному агрегату ДДН-70 с радиусом полива до семидесяти метров. Машинист занимался орошением бахчи – арбузов и дынь. Мощная струя, распыляясь в высоте, накрывала ковер растений.

Увидел желтые фары, услышал гул двигателя УАЗа, молодой мужчина вылез из кабины трактора. Ответил на наше приветствие. Представились, рассказали о цели визита. Я ощутил стойкий запах перегара, но еще раньше его уловил Трайнин.

– Откуда запах, словно из винокурни или кабака? – спросил у тракториста.

– Вчерась со свояком заколол хряка, – признался мужчина. – Как положено, выпили за упокой. Не знал, что мне на смену, иначе бы воздержался. Сказал бригаду, что под «мухой», а он велел окатить голову холодной водой, нажраться чесноку и заступать на смену. Механизаторов не хватает, каждый на пересчет.

– Как зовут?

– Михаилом, а для друзей Миха.

– Что пил?

Тот опешил, но быстро сориентировался.

– Домашнее вино, почитай, компот, градусов мало, а запах выдает, – посоветовал Михаил. – Это, как говорят про свинью, шерсти мало, а визга много.

– Похоже, что самогон заложил за воротник? – Леонид выразил сомнение по поводу напитка.

– «Зеленого змия» не употребляю, – возразил механизатор, отлично понимая, что если информации дойдет до участкового, то возникнут проблемы, могут лишиться водительского удостоверения. – Если бы знал, что заступать в ночную смену, то не прикоснулся бы к стакану и ни в одном глазу. Посудите сами, какое здесь может быть ДТП, вблизи ни транспорта, ни пешеходов. А трактор веду по прямой, словно на автопилоте. Не сердитесь, давайте угощу вас арбузами и дынями? Сладкие, сочные...

– Нет, спасибо, – из вежливости отказался Трайнин. – Купим на базаре.

– Какие же тогда из вас контролеры, начальники? – удивился Михаил. – С бахчи никто с пустыми руками не возвращается. Стоило ли сюда приезжать за сорок километров?

Не дождавшись ответа, спросил у меня:

– Как зовут вашего водителя?

– Василий Иванович, как Чапаева.

– Василий Иванович! – громко крикнул в сторону УАЗа с включенными фарами. И когда Федорцов откликнулся, предложил:

– Подгони свой лимузин поближе, загрузим арбузы и дыни.

Василия уговаривать не пришлось. Подъехал и, формальности ради, спросил у агронома:

– Уважим?

Леонид утвердительно кивнул головой. Михаил и Василий в свете фар выбрали арбузы и дыни и загрузили в УАЗ. В итоге на каждого члена нашей бригады перепало по два арбуза и по три дыни. Федорцову, как грузчику и извозчику в качестве премии досталось на один арбуз и две дыни больше.

Побывали в помещении насосной станции, подающей воду из русла Северо-Крымского канала в оросительную систему хозяйств, а также пообщались с машинистами еще двух дождевальных агрегатов и серьезных недостатков не выявили.

Далее наш маршрут пролег на угожья соседнего колхоза имени Энгельса. Там пообщались с оператором оросительного агрегата ДМУ «Фрегат». Артем, так назвался оператор, занимался полив люцерны на пастбище. «Фрегат» от ДДА-100МА и ДДН-70 отличается тем, что эта конструкция медленно движется по кругу под давлением воды и распыляется над покровом пастбища. По такому же принципу работают более производительные оросительные комплексы «Каравелла» и «Каскад».

Когда возвращались к УАЗу, я неожиданно правой ногой угодил в скрытую люцерной выемку, наполненную водой. Зачерпнул ее туфлей и промочил ногу.

– Эх, угораздило тебя! – посетовал Трайнин.

– Темно, не заметил ловушку, – смущенно оправдывался я.

– Володя, сними туфли, их следует просушить, – заботливо посоветовала Сиваченко. –

Это днем еще бархатный сезон, ночью уже прохладно. Не ровен час, простудишься

– Впредь отправляясь в такой рейд, следует запастись резиновыми сапогами, – заметил Леонид и скомандовал. – Живо в машину! Будем лечить пострадавшего народным лекарством. Дабы не замарать коврик в авто, я очистил почву с туфель, снял носки и выжал воду. Когда разместились в УАЗе, Трайнин достал из саквояжа бутылку перцовки, стограммовые стаканы и завернутые в салфетки бутерброды с колбасой, сыром, салом. Предусмотрительная Любовь Михайловна добавила к этому натюрморту котлеты, оладьи и малиновое варенье к горячему чаю в термосе.

– Хорошо поработали, пора подкрепиться! – провозгласил Леонид. Разлили водку в стаканы.

– Мне граммульку, полстакана, – попросила Сиваченко.

– Устами женщины глаголит истина, – напомнил агроном и провозгласил тост. – За успешный рейд, чтобы он имел положительный эффект и продолжение.

Я выпил, ощутив теплый с легким жжением напиток. Закусил бутербродом с сыром.

Как полагается, подняли стопку за прекрасную даму Любовь Михайловну. Василий Федорцов, будучи за баранкой авто, довольствовался закуской и минеральной водой. Но его не оставили без пайки, а отдали бутылку с третьей напитка и красным перцем на дне. Сиваченко заботливо угощала чаем с малиновым вареньем, не менее полезным, чем перцовка, от простуды. Завязалась оживленная беседа с забавными байками на разные житейские темы.

К тому времени на востоке пунцовым цветом забрезжил рассвет. Вскоре разгорелось лилово-розовое зарево, выкатился диск раскаленного солнца.

– Пора на базу, – заявил Трайнин. С проселочной пыльной дороги Василий вырулил на трассу Дмитровка – Некрасовка – Советский и через полчаса мы подъехали к зданию редакции газеты.

После короткого отдыха во второй половине дня я написал статью «Под покровом ночи на вахте рабочей». Она была оперативно опубликована в очередном номере. Полина Иннокентьевна с воодушевлением сообщила, что практика ночных рейдов и статья одобрены в райкоме партии и комитете народного контроля. Приказано: так держать!

Я продолжил участие в ночных и дневных рейдах. Кукуруза в тот год на поливных землях уродила щедро. Особенно на плантации механизатора колхоза «Путь коммунизма», о чем я поведал читателям в большом на страницу очерке «Золотые початки Владимира Олейника». Инструктора отдела пропаганды и агитации райкома партии на его основе (подобное практиковалось и с другими публикациями) выпустили красочный плакат.

Редактор не ошиблась в своем прогнозе. Опыт ночных рейдов в составе журналистов, народных контролеров, агрономов, инженеров и гидротехников, оказался эффективным для

рационального использования днепровской воды и был распространен во всех районах области. Вскоре на полях более совершенные и производительные по площади орошения ДМУ «Фрегат», «Каскад» и «Каравелла».

Интересное, кипучее было время, жизнь в селах была ключом! Каждый занимался полезным делом, у журналистов не возникало дефицита в выборе актуальных тем. Но, увы, та эпоха, когда я ступил на стезю журналистики, канула в Лету.

В чужих санях...

Утром, собравшись на планерку в кабинете редактора районной газеты «Приазовская звезда», сотрудники увидели импозантного, пышущего здоровьем розовощекого незнакомца. На нем был добротный костюм темно-синего цвета со знаком о высшем образовании, белая сорочка с галстуком, гармонирующем с костюмом. Вальяжно сел по праву руку от редактора Полины Иннокентьевны Ивановой, а коллеги – по обе стороны длинного стола.

Невольно возник вопрос, и не только у меня: «Кто такой? Среди райкомовских аппаратчиков я его не видел. Возможно, представитель обкома партии из сектора печати или цензор ЛИТО, опекающие средства массовой информации?» – предположил я. Интрига улетучилась, когда редактор представила незнакомца.

– В нашем полку прибыло, – бодро сообщила Полина Иннокентьевна. – Знакомьтесь, на вакантную должность замредактора назначен Аркадий Савельевич Спасеба, выпускник Киевской высшей партийной школы.

Слегка приподнявшись, он изобразил улыбку. Услышав необычную фамилию, сотрудники переглянулись. Редактор, уловив настроение подчиненных, заметила:

– Фамилия вежливая, очень позитивная, стимулирует доброе настроение и доверие. Уверена, что Аркадий Савельевич усилит наш творческий потенциал, подставит надежное плечо под общее дело, чтобы газета стала более содержательной и популярной среди читателей. Надеюсь, что благодаря его публикациям на актуальные темы, тираж значительно увеличится.

– Рад стараться, – пообещал он. Деловито занял кабинет рядом с редакторским. Мне, как и другим сотрудникам, не терпелось прочесть его творения. Но до того, как они появились, с новоиспеченным коллегой происходили забавные казусы.

На телефонные звонки, а в редакцию обращались не только чиновники из райкома партии, райисполкома, управления сельского хозяйства, «Сельхотехники», руководители совхозов, колхозов, птицефабрик, а также рядовые читатели по поводу житейских проблем. Обычно на эти сигналы о недостатках, журналисты оперативно реагировали, вместе с активистами народного контроля, фотокором выезжали на места, участвовали в рейдах, готовили публикации под рубриками: «Острый сигнал», «Народный контроль – в действии».

Аркадий Савельевич, несмотря на сорок два года от роду, оказался тяжелым на подъем. Поездкам на редакционном УАЗике по селам, полям, садам, виноградным плантациям, молочно-товарным фермам, свинарникам, кошарам и птичникам предпочитал кабинетный стиль работы. Информацию для публикаций черпал из справок, протоколов собраний и заседаний, которыми его снабжали заведующий отделом, инструктор райкома партии и специалисты райисполкома.

Даже Иванова, несмотря на большую занятость, связанную с правкой материалов, подготовленных сотрудниками и вычиткой полос (газета выходила 3 раза в неделю), в изредка выпадавшее свободное время, выезжала в села района, публиковала материалы на злободневные темы.

Поскольку замредактора почти постоянно находился в кабинете, то у него под рукой был телефонный аппарат, на номер которого чаще всего дозванивались настойчивые читатели. Заслышав зуммер аппарата, он поднимал трубку с рычага и степенно отвечал:

– Редакция, Спасеба у телефона.

На другом конце линии возникала пауза, потом с недоумением спрашивали:

– Уважаемый, за что вы меня благодарите?

– Фамилия у меня такая, – сообщал он спокойно, будто автоответчик, ибо и прежде приходилось сотни раз давать пояснения. Узнав об этом казусе, Полина Иннокентьевна посоветовала:

– Представляйтесь по имени-отчеству.

Он пытался запомнить фразу: «Редакция, Аркадий Савельевич слушает», но часто на звонки отвечал машинально: «Редакция, Спасеба у телефона» и бумерангом прилетал вопрос: «За что вы меня благодарите?»

Нет худа без добра, по району, как будто по «сарафанному радио», распространились слухи о том, что в редакции работают очень вежливые люди. Даже, не выслушав просьбы, жалобы читателей, заранее говорят спасибо».

После первой публикации А. Спасеба в редакцию поступило пять писем от бдительных читателей сталинской закалки, изучавших газету с использованием лупы. Они с возмущением сообщили, что в слове «спасибо», редакция проглядела две ошибки. Один из них, злорадствуя, рекомендовал, «коль пошла такая пляска, вместо слова «корова» писать карева. Мол, «вологодская карева... паровоз».

Чтобы предотвратить поток подобных упреков пришлось в короткой заметке «К сведению читателей» сообщить, что в редакции в должности заместителя редактора работает Аркадий Савельевич Спасеба.

Ожидания по части усиления творческого потенциала редакции Спасеба не оправдал. Ни сотрудники, ни читатели не дождалась от него шедевров и перлов. В каком бы жанре, будь то статья, зарисовка, репортаж или фельетон, он не пытался преподнести материал, получались сухие косноязычные отчеты, протоколы с собраний и заседаний.

Цитаты из трудов Маркса, Энгельса, Ленина, Брежнева, материалов XXIV съезда и призывов ЦК КПСС составляли от 30 до 50 процентов содержания его творений. Более того, он постоянно упрекал коллег за то, что редко ссылаемся на труды классиков марксизма-ленинизма. К сожалению, практика прославления правящей партии до сих пор востребована.

Из жанров замредактора удавались лишь короткие заметки, отвечающие на вопросы: что, где, когда и кто?

Невольно вспомнился рассказ А.П. Чехова «Лошадиная фамилия». Фабула такова: измученный зубной болью генерал Булдеев по совету своего приказчика решил обратиться с депешей к знахарю, который без всяких лекарств заговаривает зубы, снимает боль.

Но приказчик забыл фамилию целителя, помнил лишь, что она связана с лошадьми. Вся прислуга генерала, в расчете на обещанную им премию, предлагала разные варианты лошадиной фамилии, но тщетно. Лишь когда зуб был удален врачом, не без его наводки, приказчик вспомнил злополучную фамилию Овсов. Бросился к Булдееву за премией, но тот сунул ему в лицо два кукиша.

Конечно, ситуация со Спасебой развивалась не столь драматически, а забавно. Стало понятно, что Аркадия Савельевича в ожидании вакансии на престижную, денежную должность, временно не по профилю устроили на вакантное место. Тяги к освоению азов журналистики, к литературному творчеству он не испытывал. По сути, сел не в свои сани, однотипными, словно под копирку, отчетами, показал профнепригодность. Проку от него оказалось немного и поэтому в коллективе облегченно вздохнули, когда через два месяца Спасебу по протекции заворготделом райкома партии назначили председателем профкома винзавода.

Впоследствии мне довелось брать у него интервью.

– А, а коллега, добро пожаловать, заходи! – радушно пригласил он в кабинет, намного роскошнее того, что занимал в редакции. Задумавшись, с грустью признался:

– Скучаю по газетной работе, но и здесь приходится трудиться и мозгами, и пером. Конечно, это не знаменитая «Массандра», не голицынские погреба с драгоценными винами. Но и здесь есть где развернуться, проявить свои интеллектуальные и организаторские таланты.

Вместе с администрацией завода решаю вопросы о поощрении передовиков, обеспечении жильем, местами в детских садах, путевками в санатории и дома отдыха. От забот голова кругом идет. Толи было в редакции, пиши, пока есть настроение, и в ус не дуй. Тихая канцелярская работа, райское место.

– Почему же вы ушли из рая?

– Я – солдат партии, в окопах не отсиживаюсь куда она прикажет, туда иду. Приказы не обсуждаются, а исполняются. В военное время грозит трибунал.

Аркадий Савельевич указал на книжку полку с девизом: «Профсоюзы – школа коммунизма!»

– Читаю, обогащаюсь знаниями, верчусь, как белка в колесе: собрания, совещания, заседания и везде, как профсоюзный вожак, обязан толкать зажигательные речи

Запечатлев его ценные мысли, достижения и планы в блокноте, я поднялся из-за стола. Он жестом руки остановил:

– Надо блюсти традицию. Тебя же засмеют, если узнают, что побывал на заводе, ни в одном глазу. Вспомнили, что Максим Горький сказал о виноделах?

Изречение писателя я увидел на одном из плакатов на территории завода, записал в блокнот, чтобы процитировать в интервью, готов был ответить на вопрос, но Спасеба меня опередил, глядя в буклет о коллекции вин, прочитал::

– Великий советский писатель, посетивший 17 августа 1926 года винкомбинат «Массандра», в книге почетных гостей оставил запись: «Уехал сравнительно трезвым – только по недостатку времени. В вине всего больше – солнца. Да здравствуют люди, которые умеют делать вино и через него – вносить солнечную силу в души людей!» Вот и мы последуем его примеру. В отличие от буревестника революции, нам торопиться некуда. В дегустационном зале сейчас обновляю интерьер, поэтому пригубим в кабинете, как говорится, без отрыва от производства.

Рассмеялся удачной шутке, достал из серванта три бутылки марочного вина «Мускат», «Каберне», «Херес», «Кокур» и два хрустальных фужера Штопором ловко выдернул пробки. Наполнил фужеры напитком. Открыл коробку шоколадных конфет.

– Выпьем, чтобы не ржавели, а блистали наши перья! – провозгласил он тост, по-прежнему считая себя причастным к пишушей братии.

Вместе попробовали по сто граммов каждое из этих вин.

– Замечательный вкус, цвет, аромат, – оценил я.

– Да, чудесный букет. В моей коллекции для важных гостей разные марочные вина, десертные, крепленные и сухие, «Портвейн», «Мадера», «Изабелла», «Солнце в бокале», «Херес», особенно полезный для физической и творческой потенции – тоном искусного винодела сообщил он и предложил, – Может, примешь еще граммов сто-двести? В этом смысле мне импонируют французы, которые не отказывают себе в удовольствиях. Рекомендую «Каберне». Это ценный, стратегический напиток.

– Все вина ценны и полезны, если их употреблять в меру, то есть соблюдать культуру питания, – подтвердил я. – Но о том, что «Каберне» стратегический напиток, слышу впервые?

– Я тоже до того, как стать виноделом, не знал, – признался Аркадий Савельевич. – Верно, говорят: век живи – век учись. Виноделие сродни тонкому искусству, имеет многовековую историю, начиная с античности от мифического бога Диониса. Так вот «Каберне» способно выводить из организма стронций и другие радионуклиды. Его выдают физикам-ядерщикам и испытателям атомного оружия в качестве профилактики против лучевой болезни и лейкемии. Поэтому и называют стратегическим напитком.

– Нет, довольно, в другой раз попробую. Тем более, что не имею отношения к радиоактивным материалам, – отказался я от продолжения дегустации и, захмелев, весело произнес. – Спасибо вам за гостеприимство, товарищ Спасеба!

Оба дружно рассмеялись. Как сложилась карьера «винодела», мне неизвестно, так как вскоре перешел на работу в бахчисарайскую районную газету. Насчет его перспектив сомнений и тревог не возникло. При наличии вежливой фамилии, деловых связей и протекции очередное «хлебное место» ему гарантировано. Тогда это было исключением, теперь стало типичным явлением, ибо все чаще дилетанты без конкуренции садятся не в свои сани.

В советский период случались такие забавные истории. Но в целом кадры на вакантные должности подбирались с учетом политических, деловых и моральных качеств претендентов. Лишь в редких случаях назначали карьеристов на принципах личной преданности, что ныне является приоритетным фактором.

Неудивительно, что на руководящих должностях много дилетантов-временщиков, не имеющих знаний, опыта и организаторских способностей. Потому, что они не выбраны на конкурсной основе, а назначенных по протекции влиятельных чиновников-работодателей. Значит, назначенец ответственен не перед гражданами, а перед своим благодетелем.

Перспектива такова, для одних, если есть протекция, независимо от результатов работы, повышение по службе, для других – в лучшем случае отставка без тяжелых последствий. В худшем, когда тылы не прикрыты, некому замолвить слово, то гарантирована путевка на нары за злоупотребление служебным положением. Чаще всего за «распилы», «откаты» и «заносы» – типичные элементы коррупции.

Чекисты из ФСБ и следователи из СК не дремлют. Отсюда устойчивая тенденция высокой текучести кадров и низкой результативности управления.

Демон с рогами

– Вам нужна сенсация? – этим вопросом председатель колхоза «Победа» Василий Ильич по телефону озадачил редактора районной газеты «Приазовская звезда».

– Сенсация? Конечно, а что случилось? – спросила Полина Иннокентьевна. – Установили рекорд по надоям молока, привесам, стрижке овец или иное приятное событие?

– Редкое событие, на молочно-товарную ферму забрел зубр.

– Зубр? Откуда ему взяться, ведь они живут в Беловежской Пуще, а в крымских лесах из крупных животных лишь олени и кабаны?

– Не знаю, откуда его занесло, буду разбираться, – признался председатель. – Интуиция мне подсказывает, что эта новость заинтересует читателей.

– Очень заинтересует, – подтвердила редактор. Не мешкая, пригласила меня, тогда еще молодого сотрудника, в кабинет.

– На ферме села Заветное объявился зубр. Поезжай, это по твоей части, – велела она

– Зубр? – удивился я. – Он же в Белоруссии обитает?

– В этом, как раз и сенсация. Возьми фотоаппарат и вперед! Подготовь репортаж в очередной номер. Имей в виду, что зубр – дикий зверь, близко не подходи, чтобы не поднял на рога или не забил копытами.

– Спасибо за инструктаж, – усмехнулся я.

Оседлав редакционный мотоцикл «Днепр» К-750, через полчаса я прибыл на МТФ села Заветное. У проходной меня встретил зоотехник Семен. По пути к силосохранилищу эмоционально поведал:

– Утром доярки мне сообщили, что на территорию через тыльную не огороженную часть проникло огромное животное. Одна из них предположила, что это як, вторая уверяла, что бизон, а третья доярка была убеждена, что тур. Телятница Варя договорилась до того, что это мамонт. Очень всех балагурка рассмешила.

– Эх, деревня Васильки! – сокрушался скотник Федор. – Где ты видела мамонта с рогами? У него, как у слона, бивни.

– Откуда ты знаешь, что бивни? – не сдавалась Варя.

– От верблюда, – ответил ей скотник. – В школьном учебнике по истории на картинке изображена охота первобытных дикарей с палками и булыжниками на мамонта. Нашим предкам захотелось мяса, вот и окружили животное со всех сторон. Все мамонты вымерли в ледниковый период. Ты еще назови этого быка динозавром.

– Назову, никто мне не запретит, – проявила строптивость телятница.

– Если ты такая упрямая, то назови его верблюдом, – не унимался Федор.

– Накось, выкуси! – Варя ловко свернула кукиш. – Не считай меня круглой дурой, верблюдов горбатый, а у этого мамонта спина прямая, как у жеребца.

Зоотехник дословно, красочно передал мне разговор и продолжил:

– Когда сам увидел гостя, то сразу разрешил спор. Это оказался зубр. Намного крупнее и выше колхозного быка Самсона, поэтому за грозный вид дал ему кличку Демон.

Вскоре я увидел могучего зубра. Он находился вблизи силосохранилища и спокойно жевал силос, просыпанный из кормораздатчика. Массивная грудь, крупная голова с острыми рогами, красновато-бурая шерсть. Вдруг он оторвался от корма и угрожающе заревел.

Тут же, будто эхо, донесся глухой отзыв.

– Это бык Самсон подал голос, дал понять сопернику, что начеку, – пояснил Семен. В длинных помещениях со стойлами, молокопроводами и аппаратами машинного доения призывно замычали фуражные коровы.

– Зачем бык на ферме? Вы, что искусственное осеменение коров не практикуете? – с видом знатока племенного дела поинтересовался я.

– Обязательно практикуем, – отозвался зоотехник. – Самсон – породистый производитель тоже участвует в процесс, но со всем стадом управиться не может. И потом он поддерживает дисциплину, коровы должны знать, кто в стаде хозяин. Они без него, как скрипка без скрипача или гармонь без гармониста.

Мне понравилось его удачное сравнение, художественный образ мышления, присущий поэтам и прозаикам.

– Вам следовало бы заняться литературным творчеством, – посоветовал Семену.

– Пока недосуг, на моем попечении не только КРС, но свиньи и овцы.

– Почему зубр отбил от стада?

– Наверное, не поладил с вожаком, оказался слабее и вынужден был ретироваться, – ответил Семен. – Но и на ферме ему не избежать конкуренции с быком-производителем. Бугай очень ревнивый, упрямый и заносчивый, за своих коровушек постоит. Конечно, ему с Демоном тяжело тягаться, ведь они в разных весовых категориях, но характер у Самсона твердый. Стычек между ними, пока что не было, но внимательно наблюдают друг за другом, охраняют свою территорию. Зубр – губа не дура, возможно, в лесу, а потом в степи, пока путешествовал, оголодал, поближе к кормам пристроился. Василий Ильич размышляет, что делать с пришельцем, а, пока, велел мне наблюдать за его поведением.

Приблизиться на расстояние вытянутой руки, чтобы взять у Демона интервью, я, памятуя наставление редактора, не отважился. Зубр не привык к человеку, как корова или лошадь. Хотя и коровы бывают бодливые, а горячий конь норовит ударить копытом. Сделал несколько снимков и в очередном номере появился фоторепортаж «Демон на ферме».

Через пару суток после выхода номера газеты редактору снова позвонил председатель колхоза и запальчиво упрекнул:

– Эх, раздули сенсацию до небес, других, что ли нет для прессы тем!?

– А кто первым о зубре сообщил? – напомнила Полина Иннокентьевна.

– Было дело, сдуру не подумал о последствиях, – признался Василий Ильич. – Недаром говорят: век живи, век учись. Проявил легкомыслие, подвела бравада, тщеславие. Теперь не только жители окрестных, но и дальних сел из других совхозов и колхозов, на экскурсию, приезжают, чтобы поглазеть на Демона. Детям, школьникам разве откажешь, ферма превратилась в зоопарк, шум, гул, словно на ярмарке. Зоотехник Семен вынужден исполнять роль экскурсовода.

– Издержки популярности, – заметила редактор. – К ним надо относиться по-философски, хладнокровно и терпимо. Тем более, что факт о зубре достоверный, не подлежит опровержению.

– Да, факты – упрямая вещь, – согласился председатель и предложил. – Чтобы избавиться от зрителей, сообщите в газете, что на ферме обнаружен ящур, установлен карантин. Мы тем временем переведем зубра на машинно-тракторный парк в село Пчельники. Дело в том, что Демон очень нервнует бугая Самсона и коров, надой молока снизились. Не ровен час из передовиков соцсоревнования скатимся в отстающие. Вы же сами потом по указанию райкома партии подвергнете нас острой критике.

Вскоре объявление о карантине на ферме и изоляции зубра от посетителей было опубликовано. Демона перевели в бригаду механизаторов. Поскольку в редакцию приходили письма, продолжались телефонные звонки от читателей, озабоченных судьбой зубра, да и мне самому интересно было узнать о «герое» фоторепортажа, то я периодически звонил Семену.

Зоотехник сообщил, что зубр подружился с механизаторами, особенно с Захаром Маслюком. Тракторист подкармливает его, то кукурузой, то свеклой, так и приручил. Демон постоянно сопровождает его в поле. Тот, сидя за рычагами, пашет, а зубр, как бдительный контро-

лер или землемер, шагает рядом. Похоже на то, что Захар осознал глубокий смысл изречения писателя Антуан Сент Экзюпери: «Мы в ответе за тех, кого приручили».

От села в село прокатилась весть о новой дислокации зубра. Вскоре тракторный стан в Пчельниках превратился в место для паломников, любителей экзотики. Впоследствии от Семена я узнал, что вопрос о судьбе животного решался на правлении колхоза. Маслюк собирался взять Демона на свое подворье, но супруга Настя воспротивилась, поставила вопрос ребром: я или зубр?

– Он же, как слон, его не прокормишь, – гудела ему в уши благоверная. – Это тебе ни коза и овца с «горошинами», такую кучу среди двора навалит, что хоть противогазы надевай. Все подворье загадит, перед соседями стыдно будет. Появится гора навоза, куда ты его денешь? Ты об этом своей тыквой подумал?

– Тоже мне, нашла проблему, – возразил Маслюк. – Навоз – на огород и сад. Отличное удобрение. Овощи и фрукты созреют крупные и вкусные, ого-го!

– Зубру потребуется самка, – выложила Настя очередной аргумент. – Взыграют гормоны и того гляди, взбесится. Ради твоей забавы, не хочу рисковать здоровьем и жизнью.

– Опасаешься, что он на тебя полезет, чтобы покрыть? – уязвил ее Захар.

– Черт знает, что в его рогатой голове? – на полном серьезе отозвалась она.

– Эх, Настя, не фантазируй, не нагоняй на себя страхи, Демон покладистый, не причинит вреда.

– Только посмей привести его во двор, то я, я, – она запнулась, не находя подходящего решения.

– Что, ты, не доводи себя до истерики, – подлил Захар масло в огонь.

– Уйду к Ивану Реброву, – сорвалось у супруги с губ.

– А-а, вот оно что, первая школьная любовь не дает покоя, – взыграло в нем чувство ревности. – Наверное, до сих пор бегаешь к нему на сеновал. Узнаю, обоих из ружья порешу.

Зная крутой нрав Захара, Настя благоразумно промолчала, чтобы в очередной раз острая коса не нашла на твердый камень. Она внушала себе мысли о том, что любовь без ссоры, что суп без соли: бьет, значит любит. Если бы проявил равнодушие, то пальцем бы не пошевелил. А он после ссоры переживает, не находит себе места, не может скрыть своих бурных, горячих эмоций, значит, не хочет ее потерять.

Если бы, даже Настя и согласилась с супругом, то вряд ли бы отдали зубра, ведь он – казенная собственность. В личном хозяйстве его содержать накладно. Другое дело корова, коза, свинья или овца, от которых молоко, мясо, сало и шерсть. А от Демона, какой прок? Разве что, ради привязанности, жалости и спортивного интереса. Суровой жене Захар не стал перечить.

На правлении долго спорили, что делать с зубром? Так как его транспортировать сложно, на платформу не погрузишь, то многие предлагали поручить двоим скотникам, чтобы отогнали Демона в Старокрымский лес к сородичам.

«Где гарантии, что он не возвратится, притом не один, а с подругой? – возразил Василий Ильич и, указав взглядом вверх, сообщил. – Принято решение, объявить, что зубр заболел ящуром и поэтому подлежит ликвидации».

Роковым оказалось для зубра путешествие в село. Маслюк, надо отдать ему должное, до последнего дня ухаживал за верным другом. В бригаде устроил поминки по Демону, накрыл «поляну» для механизаторов. Финал этой истории и в моей душе оставил осадок, чувство вины за то, что сообщив о зубре в прессе, привлек повышенное внимание читателей, пожелавших воочию увидеть лесного гостя, что создало для правления колхоза лишние хлопоты.

Рассудив здраво, могли бы устроить в колхозе небольшой зоопарк, поместив туда зубра, верблюда, ламу и других экзотических животных. Схватило бы средств на содержание за счет посетителей. Но в ту пору такая предприимчивость не поощрялась, считалась пережитком про-

шлого, проявлением буржуазной психологии. Ныне ушлые дельцы водили бы за мзду и слона, как в басне Крылова, и зубра по улицам. Но тогда Демон стал жертвой доверчивости к людям.

P.S. Из истории известно, что были три попытки переселения зубров в леса Крымского полуострова: первая – в 1913, вторая – в 1937 и третья – в 1972 году (очевидно, Демон из того племени) и все они не увенчались успехом. Некоторых животных уничтожили браконьеры, а тех, что сохранились, в 1980 году переселили в Херсонскую область, где для них больше простора и меньше встреч с человеком. Впоследствии эксперименты с переселением зубров из Белоруссии в Крым не проводились.

Что написано пером...

Редактор районной газеты «Слава труду» Юрий Павлович Чернов первым из сотрудников спозаранку приходил в редакцию, размещенную на третьем этаже здания. На двух нижних этажах находилась типография. По пути в кабинет он взял в типографии несколько свежих, пахнущих краской, экземпляров.

– Тираж уже отправлен? – поинтересовался у вахтера.

– Да, погрузили в почтовый пикап, – ответил тот.

Юрий Павлович пребывал в приподнятом настроении, так как ему в статусе делегата предстояло участвовать в районной отчетно-выборной партийной конференции. Поэтому накануне он посетил парикмахерскую, постригся, побрился, почувствовал приток свежих сил. Утром, перед тем, как отправиться на работу облачился в новый стального цвета костюм с ромбиком о высшем образовании, депутатским значком и юбилейными медалями, в том числе за доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина. Заботливая супруга повязала шелковый галстук и пожелала удачи:

– Ни пуха, ни пера!

– К черту! – ответил он, с теплотой вспомнив студенческие ритуалы и обычаи. Однако, с юмором добавил:

– Пух мне вроде бы ни к чему, не из семейства пернатых, а вот перо – главное оружие журналиста, всегда в боевой готовности.

По традиции номера газеты, посвященные событиям, отмеченным красными датами календаря, таким, как День международной солидарности трудящихся – 1 Мая, а также День победы над немецко-фашистскими захватчиками – 9 Мая, очередная годовщина Великой Октябрьской социалистической революции – 7 ноября, печатались в красно-черном цвете. Исключение составляли новогодний и праздничный женский номера, частично напечатанные в голубоватом или зеленом цветах. Для этого полиграфистам, работавшим на машинах плоской печати, следуя технологии, приходилось несколько раз пропускать тираж через чрево машины. Впоследствии на втором этаже типографии была установлена машина для офсетной печати.

Войдя в кабинет, расположившись в кресле за письменным столом, Чернов взглянул на первую страницу газеты и замер, будто манекен. Сверху над названием издания крупным шрифтом «агат» красным цветом напечатано: «Пламенный привет делегатам районной партийной конференции!»

«Откуда вылезла третья буква н? – вопрос острой занозой застрял в сознании. – Эх, недоглядел. Наверное, глаз от усталости замылились. Куда смотрела корректор? Как я мог, перед тем, как подписать номер в печать и свет, проглядеть эту простую ошибку? Придется, кроме корректора назначать «свежую голову», чтобы отлавливал «блох».

«Блохами» редактор называл мелкие грамматические и пунктуальные ошибки, в том числе наличие или отсутствие точек, двоеточий, тире, дефисов, кавычек, скобок, а «свежей головой» – зоркого и опытного филолога, который бы замечал и устранял вездесущих и досадливых «блох».

«Пожалуй, скандала и вызова на «ковер» не избежать, – продолжил он размышлять над ситуацией, – Хуже того, на конференции предстоят выборы членов бюро и райкома партии, в том числе секретарей, заведующих отделами и назначение редактора газеты. Эх, не было хлопот, купила баба поросю. Так и с этим лозунгом грядут неприятности. Что же делать?»

Газета уже поступила в райком партии, к секретарю по идеологии, к заведующему отделом пропаганды и агитации, не говоря уже о первом секретаре. На изъятие тиража, исправ-

ление ошибки нет времени. Более восемнадцати тысяч экземпляров разошлись по почтовым отделениям города, поселков и сел».

В ожидании звонка из райкома, редактор с тревогой смотрел на телефонный аппарат черного цвета. «Сейчас они заняты подготовкой к партконференции, еще не обратили внимания на ошибку, – предположил Юрий Павлович. – Может самому позвонить куратору Анатолию Васильевичу, объяснить, мол, из-за суеты недоглядел, готов покаяться? Нет, не годится паниковать, раньше времени будоражить начальство. Есть риск, что инициатива выйдет боком. Следует сохранять спокойствие, авось, обойдется без взбучки. Хотя такой «ляп» сразу бросается в глаза. Крутой разговор неизбежен».

Он кожей почувствовал приближение разноса и старался отдалить неприятную процедуру воспитания.

В районном Доме культуры, распложенном в ста метрах от редакции, Чернов появился за десять минут до открытия конференции. В фойе и зале, заполненных делегатами, было шумно, как на пасеке с гудящими пчелами. У стола регистрации миловидная комсомолка вручила ему мандат красного цвета, проекты решений и... экземпляр родной газеты с ярким «пламенным приветом».

Изобразив нечто похожее на улыбку, он поблагодарил девушку. Не общаясь со знакомыми делегатами, поспешно занял место в зале. Уткнулся взглядом в проекты документов. Отыскал в числе коммунистов, рекомендованных в состав райкома партии, свою фамилию, а также на должность редактора газеты. Претендентов на его кресло не было. «Они, как черт из табакерки, могут появиться, как только разразится скандал», – с досадой подумал он. Утешало то, что ошибка не политическая, а грамматическая.

– Юрий Павлович! – услышал он громкий голос второго секретаря райкома, жестом руки пригласившего его подойти. Редактор приблизился к длинному, покрытому кумачом столу, за которым расположились члены бюро райкома, представители Крымского обкома КПУ.

– Вам, что требуются курсы ликбеза? – секретарь указал на три литеры н, окольцованные фломастером синего цвета. – Русский язык, правила грамматики не знаете? Может в редакции увлеклись крепкими напитками, вином «Бахчисарайский фонтан», потеряли зоркость и бдительность?

– Анатолий Васильевич, я объясню...

– Делегатам объясните! – резко осадил главный идеолог района. – Я устал отвечать на их вопросы. После доклада предоставляю вам трибуну, приготовьтесь.

Понурился Чернов возвратился на место. «Судя по негативной реакции секретаря, неприятности впереди», – предположил он, размышляя над оптимальным выходом из ситуации. В ходе прений Анатолий Васильевич предоставил слово редактору. Взойдя на трибуну, Юрий Павлович без дрожи в голосе, уверенно произнес:

– Некоторые делегаты недоумевают, почему слово «пламенный» напечатано с тремя н? В данном контексте это не ошибка, а творческий замысел, подчеркивающий искренность и пламен-н-ность нашего приветствия! Я уверен, что нашему примеру последуют коллеги из других газет. Недаром у ленинской «Искры» был девиз: «Из искры возгорится пламя». Именно пламя, а не дымный костер...

Зал взорвался аплодисментами. Несколько делегатов заразительно рассмеялись

– Товарищи, здесь ни театр, ни цирк, прошу сдерживать свои эмоции, – велел второй секретарь и, обернувшись к редактору, дружелюбно заметил. – Знаю, что творческие люди изобретательны, находчивы, в карман за словом не полезут, но не до такой же степени?...

После добродушной реакции зала и реплики секретаря Чернов понял, что гроза прошла стороной. Он остался членом райкома партии, сохранил кресло редактора.

В очередном номере газеты в крохотной поправке, набранной петитом, извинились перед читателями за ошибку. Если бы поправка была набрана бисером, то читателям пришлось бы ее читать с помощью лупы или микроскопа.

Вскоре и со мной произошла история, сулившая большие неприятности. После публикации очерка «Рабочая династия» о передовиках цементного завода комбината «Стройиндустрия» меня срочно вызвали на «ковер» в райком партии.

– Что в редакции происходит? То в лозунге допускаете нелепую ошибку, то сектантов прославляете? – едва я переступил порог кабинета, прокурорским тоном спросил Анатолий Васильевич.

– Простите, о чем речь? – не понял я. Он предложил присесть к столу и продолжил:

– Кто вам позволил опубликовать материал со снимком о семье баптистов пятидесятников, работающих на цементном заводе?

– Баптистов? – удивился я. – Даже в мыслях не было их прославлять.

– Это политически неблагонадежное семейство, – подтвердил идеолог. – Глава династии является пресвитером, руководит сектой. У него налажены зарубежные связи, получает валюту, запрещенную литературу, проводит культовые мероприятия. Одним словом, ярый антисоветчик, находится под контролем офицеров КГБ. Кто вам заказал очерк?

– Редакционное задание. Портрет главы рабочей династии занесен на Доску почета предприятия. О нем и его сыновьях рекомендовал написать председатель профкома завода. Представил их, как ударников коммунистического труда, победителей соцсоревнования, – выложил я аргументы.

– Странно, очень странно? – призадумался партийный функционер. – Разберусь с председателем профкома, утратившим политическое чутье. Советую вам, впредь будьте бдительны, тщательно проверяйте кадры и факты в парткоме. Имейте в виду, что кроме баптистов, в городе и районе подпольно действуют адвентисты седьмого дня, свидетели Иеговы, опекаемые и финансируемые спецслужбами США и Западной Европы.

Это идейные враги, ловко манипулирующие сознанием и настроениями советских людей для разжигания классовой борьбы, подрыва устоев социализма и реставрации капитализма. Они стремятся превратить нашу страну в сырьевой придаток с дешевой рабсилой, чтобы оставить ее на обочине прогресса.

В который раз я убедился, насколько весомо и значимо печатное слово. Действительно, все, что написано пером, точнее, напечатано на бумаге, не вырубить топором.

Летучая пробка

– Любезная Алла Константиновна, вы бы аккуратнее..., – переступив порог фотолаборатории, попросил директор типографии Евгений Цаль.

– О чем речь? – женщина отвела взгляд от фотоувеличителя, не дав посетителю договорить.

– Вы случайно, а возможно и намеренно, ранили мою работницу из печатного цеха, – продолжил директор, но она снова прервала.

– Странно, чем я могла ее поранить? – удивилась Алла Константиновна. – Нет у меня ни пистолета, ни кинжала и прочего оружия. За последнюю неделю ни с кем из ваших работниц я не общалась, поэтому претензии абсурдны, неуместны. Тем более, что я не отличаюсь вспыльчивым характером, не закатываю истерик, держу себя в руках.

– Ранили, точнее, больно ударили по голове пробкой из-под вина «Бахчисарайский фонтан», «Искристое» или из-под шампанского, – в подтверждение Цаль достал из кармана белую эластичную пробку и пояснил. – Когда верстальщица Светлана проходила во двор под окном фотолаборатории, то получила удар пробкой.

– Мг, пробка не бутылка, – усмехнулась фотокор.– Откуда мне знать, может ваши печатники на чердаке или крыше устроили пикник, «обмывали» новую машину для офсетной печати?

Она нашлась с ответом, ибо накануне, действительно произошло это приятное для полиграфистов событие. Они на втором этаже смонтировали современную на тот период машину.

– Зачем им такие сложности, чтобы на чердаке или покато́й крыше, распивать вино? – возразил директор. – Среди печатников нет отчаянных верхолазов.

– Ради спортивного интереса и чтобы не обвинили в нарушении трудовой дисциплины и не лишили премии, – аргументировала Алла Константиновна.

– Не было оснований, так как по случаю события состоялся официальный банкет.

– Запретный плод всегда слаще, – наполнила фотокор.

– В таком случае, назовите, хотя бы одного печатника, кто пил на крыше?

– К чему вы меня склоняете? Никогда стукачом не была и вам не советую, – резко осадил ее она. Цаль хотел было упрекнуть ее в дружбе с чекистами, но благоразумно сдержался, чтобы диалог не перерос в конфликт и взаимную неприязнь. Алла Константиновна попеняла.

– Пусть ваши сотрудницы не шастают под чужими окнами, радуются, что коровы не латают и лепешки сверху не бросают. Впрочем, с чего вы взяли, что пробка вылетела из моего окна?

– Потому, что окна из других кабинетов во двор не выходят. Светлана уверена, что брошена из вашего окна, Оно было раскрыто настежь, доносились веселые голоса и задорный смех. У нее сложилось впечатление, что вы отмечали какое-то приятное событие, пили вино, травили анекдоты...

– Прямо таки открытие и ежу понятно, что неприятные события не отмечают, – заметила Алла Константиновна – Окна были раскрыты из-за жары, имею право проветрить помещение. Или, по-вашему, я должна париться в духоте?

– Имеете право, но зачем бросать пробки, одна из них пролетела мимо, а вторая попала в женщину. И это в разгар рабочего дня, когда все трудятся в поте лица? Могли бы бросить пробки в урну для мусора.

– Спасибо за «мудрый» совет, я еще из ума не выжила, – усмехнулась фотокор. – Уборщица обнаружит пробки и сообщит редактору. Как, я после этого буду выглядеть? Зачем мне

неприятности. Я настаиваю на том, что пробка могла скатиться на голову вашей изнеженной сотруднице с крыши?

– Откуда ей там взяться, ворона или сорока принесла?

– Не исключено!

– У вас в кабинете, почитай, что не день, то праздник, застолье, – упрекнул Цаль. – Если продолжите, не глядя, метать пробки, то есть риск, что и другие сотрудники типографии пострадают.

– Во-первых, легкая пробка – не кирпич, не может причинить боли и травмы. Во-вторых, я не виновата, что у меня вредная для здоровья работа. Имею дело с химическими реактивами, а вино, особенно «Бахчисарайский фонтан» и Каберне выносятся из организма радионуклиды и токсины. Вынуждена принимать для профилактики. И, в-третьих, с чего вы взяли, что бутылку сдуло ветром с подоконника моего кабинета? Свидетелей и доказательств нет. Как говорят: не пойман – не вор.

– Мне, что же сдать пробку эксперту-криминалисту? – заметил директор. – Хотя на ней могут быть отпечатки не только ваших пальцев, но и верстальщицы Светланы, других работниц и мои. Скандала тогда не оберешься. Информация дойдет до райкома партии, а там долго разбираться не станут, быстро сделают оргвыводы. Можете пострадать.

– Успокойтесь, мне никто и ничего не угрожает, а с вас могут снять стружку. За то, что сотрудницы нарушили правила техники безопасности, ходят без касок.

– Какие еще каски?! – удивился и возмутился Евгений. – У нас не строительно-монтажное управление, не стройплощадка, а типография, каски не обязательны.

– Все равно, – настояла на своем Алла Константиновна. – Неслучайно говорят, что береженного бог бережет. Обойдемся без голословных обвинений и ярлыков. Даже, если гипотетически предположить, что пробка выпала из моего окна, что невероятно, то прикажите своим сотрудникам не шастать под моим окном, не подслушивать чужие разговоры.

– Из ваших пояснений я сделал вывод, что пробка брошена из окна фотолаборатории, – констатировал директор.

– Это ваши досужие на грани клеветы домыслы. Не отвлекайте меня от срочного дела, – твердо заявила фотокор, давая понять, что разговор закончен. «Женская логика непостижима, хоть кол на голове теши, а будет гнуть свою линию», – с досадой подумал Цаль и направил стопы к редактору.

– Юрий Павлович, поговорите с Аллой Константиновной, чтобы она впредь не бросала пробки от бутылок из окна, не травмировала моих сотрудниц, – попросил он. – Будь она моей подчиненной, то объявил бы выговор и лишил премии.

– Легко сказать, – с грустью заметил редактор. – У нее серьезные покровители в райкоме партии, райисполкоме и городском отделе КГБ, проблем не оберешься. С ней надо по-хорошему, ласково, чтобы не обиделась. Не наломать бы дров, чтобы не вышло боком.

Никто из сотрудников редакции, в том числе и автор этих строк, не сомневался, что пробка вылетела из окна фотолаборатории. А вот, кто, не глядя, выбросил ее в окно, устанавливать не стали.

Два первые этажа здания, расположенного на возвышенности рядом со школой и домом культуры, занимала типография, а на третьем находились кабинеты сотрудников редакции районной газеты «Слава труду». Среди творческих работников пьяниц, а тем более, алкоголиков, не было, но вино, особенно «Бахчисарайский фонтан», названный в честь знаменитой поэмы Александра Пушкина, посетившего Ханский дворец в 1820 году, почитали больше, чем водку, коньяк и другие ликероводочные напитки.

Неудивительно, ведь в городе в ту пору действовали два винзавода и почти в каждом совхозе и колхозе, где процветали виноградарство и садоводство, работали предприятия по производству вина и соков. Редко какая командировка на «Волге» с водителем Павлом за баран-

кой, не заканчивалась в дегустационном зале. Водитель с завистью поглядывал на участников питания, но эта пытка ему компенсировалась презентом на «посошок» – бутылкой марочного вина.

Корреспондент и фотокорреспондент, которые тогда, словно альпинисты, работали в связке, с пустыми руками домой не возвращались. К пишущей братии виноделы и, не только они, по понятным причинам, проявляли максимум внимания, радушия и гостеприимства. Печатное слово обладало магической силой, и каждый руководитель норовил увильнуть от стрел критики.

Для того, кто не смог избежать этой участи, последствия были суровые, так как на критику оперативно реагировали горкомы, райкомы партии, райисполкомы, комитеты народного контроля и правоохранительные органы. Особенно чиновники опасались неожиданных визитов офицеров ОБХСС, не говоря уже о сотрудниках КГБ.

Не помню, чтобы в крымской прессе и на ТВ трудовые коллективы или руководство знаменитых объединений «Массандра», «Магарач», «Новый Свет», «Золотая балка» подвергались критике. Даже в период горбачевской перестройки и всеобщей борьбы за трезвость и здоровый образ жизни, массовой вырубке виноградников, обошлось без громких скандалов.

Незадолго до ситуации с летучей пробкой, Алла Константиновна была приглашена на юбилей первого секретаря райкома партии Шапталы, где по заказу юбиляра сделала серию снимков с торжества. Сейчас бы это назвали фотосессией для пиара первого лица, хозяина района. После проявки снимков она развесила их в фотолаборатории и кабинете.

Когда туда заглянул редактор Юрий Павлович, то ощутил дискомфорт, как на заседании бюро райкома партии во главе Шапталой, который в годы оккупации полуострова фашистами командовал одним из партизанских отрядов. Он отличался твердым характером и крутым нравом, никто не желал попасть под горячую руку.

Редактор догадался, что фотокор вхожа в кабинет главного начальника, поэтому к ее поведению и поступкам относился снисходительно, прощал женские капризы. Кроме того, витали слухи, о ее дружбе с офицерами горотдела КГБ. Не исключено, ведь будучи опытной и сообразительной, она сама содействовали усилению своей значимости.

Когда директор типографии, рассказав редактору об инциденте с пробкой, попросил повлиять на фотокора, то Юрий Павлович лишь слегка пожурил:

– Алла Константиновна, постарайтесь, чтобы в фотолаборатории и кабинете не было лишней стеклотары, мало ли кто может заглянуть.

– Шеф, не волнуйтесь, проблем не возникнет, ситуация под контролем! – четко, по-военному ответила она. В какой-то мере редактор был ей обязан.

Еще до того, как я появился в редакции, к очередной районной партконференции был выпущен праздничный номер «Слава труду». На первой странице в красном цвете было напечатано: «Пламенный привет делегатам партконференции!»

Утром Юрий Павлович взял в руки пахнущий свежей краской номер и обомлел. Увидел три буквы «н» в слове «пламенный» и подумал: «Не сносить мне головы». Накатил страх, засевший еще со времени сталинской эпохи, последние годы которой он тогда ощутил на себе. До начала конференции его вызвал на «ковер» секретарь райкома по идеологии, курирующий прессу и радио.

– Что же вы, Юрий Павлович, опытный журналист, не одну собаку в этом деле съели и допустили такую оплошность? Что о нас, коммунистах, люди подумают? Скажут, безграмотные, неучи, хоть ликбез и избы-читальни, как в двадцатые-тридцатые годы открывай, – обрушил секретарь залп вопросов. – Досадно, что накануне переназначения вас на должность редактора, такой прокол. Может кто-то специально свинью подложил, чтобы скомпрометировать? Так тогда поручим КГБ разобраться.

– Не надо никому ничего поручать, я сам несу персональную ответственность, – признался редактор и решил схитрить. – Не акцентируйте внимание на грамматической ошибке, суть не в ней. Мой творческий замысел состоял в том, чтобы третьей буквой «н» подчеркнуть, усилить пламенность приветов. Почувствуйте протяженность, экспрессию звучания: пла-мен-ный. Звучит, как колокол и отзывается долгим эхом...

Идеолог догадался о его лукавстве и лишь заметил:

– Не ловчите, Юрий Павлович, я – стрелянный воробей, на мякине не проведешь, филолог по образованию. Эту оригинальную версию изложишь первому секретарю, он и решит, оставить в кресле редактора или перевести на менее ответственную должность.

– Не надо куда меня переводить, – попросил редактор, серьезно озабоченный ситуацией.

По информации, которую я впоследствии почерпнул от сотрудников, Алла Константиновна замолвила за редактора слово. Он, даже простого, то есть без занесения в учетную карточку, выговора избежал. С той поры фотокор чувствовала себя «вольной художницей». Инцидент с пробкой благополучно разрешился, редактор из своего фонда выписал «пострадавшей» печатнице Светлане гонорар за перенесенные моральные страдания от удара пробкой по голове.

Отношение к тому, что журналисты прикладываются к горлышку, тогда, на закате брежневского застоя, который официально называли развитым социализмом, последней ступенькой перед входом в светлое здание коммунизма, было снисходительным. Главное, чтобы не напивались до чертиков, не устраивали семейные скандалы, не порочили звание члена КПСС.

Считали, что профессия журналиста сопряжена с принятием допинга, которым замещают вдохновение, творческое озарение, редко посещающее авторов. При этом часто, в качестве аргумента, ссылаясь на мистически мрачную поэму «Черный человек» приводят в пример поэта Сергея Есенина, который, якобы перед тем, как взять в руки перо, согревал душу вином или водкой. Убежден, что это навет, поскольку он употреблял не больше других поэтов и прозаиков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.